ОИК

Энгельсон.

Что такое
государство.

Женева.
1870.

ОИК
32руб.

ОИК

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО?

В. А. ЭНГЕЛЬСОНА

(Напечатано въ *Полярной Звѣздѣ* за 1855 годъ)

"У колыбели всѣхъ властей, рѣшительно всѣхъ, встрѣчаемъ мы насиліе..... Но всѣ власти отрекаются отъ такого происхожденія..... Пользуясь своей давностью, онѣ говорятъ, будто бы онѣ основаны на иныхъ началахъ".

Гизо.

(Исторія Европейской Гражданственности, урокъ 3-й)

Цѣна : 1 франкъ

ЖЕНЕВА

1870.

Гос. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1231970

ФИЛОСОФІЯ РЕВОЛЮЦІИ И СОЦІАЛИЗМЪ(*).

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО?

"У колыбели всѣхъ властей, рѣшительно всѣхъ, встрѣчаемъ мы насиліе... Но всѣ власти отрекаются отъ такого происхожденія... Пользуясь своей давностью, онѣ говорятъ, будто бы онѣ основаны на иныхъ началахъ".

ГИЗО. (Исторія Европейской Гражданственности, урокъ 3-ій)

— Что такое Государство?

— Тайное общество, заговоръ—отвѣчаю я.

... — Что-жъ, это шутка?— пародія на Прудоновское изрѣченіе о собственности?— говоритъ читатель.

— Нисколько не шутка и не пародія того изреченія, а развѣ только дополненіе къ нему.

Прудонъ сказалъ : "Что такое собственность? — Кража".

Я говорю : Что такое государство? — Заговоръ имущихъ собственность противъ неимущихъ.

— Но что-же *тайнаго* въ существованіи государствъ? — Кто-же не знаетъ о немъ? — Для кого можетъ государство быть тайнымъ обществомъ, когда всѣ люди въ народѣ, отъ монарха до послѣдняго простолюдина, завербованы въ это общество?

— Да цѣль-то, на которую онъ далъ себя завербовать въ члены этого общества, составляетъ тайну для простолюдина! Она отъ него скрываема. Онъ по большей части и сказать не умѣетъ зачѣмъ, на что онъ платитъ подать, приноситъ себя на жертву государству.

(*) В. А. Энгельсона, напечатана въ 1-ой кн. "Полярной Звѣзды" за 1855 годъ.

Ему говорятъ агенты тайнаго общества "Правительства": "Ты долженъ платить подать, потому-что *всѣ* платятъ, *всѣ* съ нами и за насъ, кромѣ незначительнаго числа злодѣевъ, которые за то и не избѣгаютъ наказанія".

Говорить *каждому* человѣку порознь: "Ты съ нами, не правда-ли? — всѣ съ нами" — уловка общеупотребительная у заговорщиковъ для увлеченія толпы.

Въ учебныхъ заведеніяхъ агенты-профессоры толкуютъ юношамъ для какой цѣли они отродясь, безъ собственнаго согласія, безвыходно на вѣки вѣчные, завербованы въ тайное общество-государство. Но вмѣсто того, чтобъ дать удовлетворительное объясненіе, профессоры умышленно затѣмняютъ вопросъ отвлеченными словами; выдаютъ, на пр., государство за какое-то страховое общество, учрежденное для безопасности. Но безопасности отъ чего, противъ чего застраховка? Это никогда ясно не высказаемо юношамъ.

Тайна — какъ о цѣли, для которой, такъ и о средствахъ, которыми ведется общество-Государство — хранима въ каждомъ народѣ небольшимъ числомъ людей, называемыхъ именно потому "Тайными совѣтниками" или, вообще, "государственными людьми". Эти люди во всѣхъ странахъ составляютъ небольшое количество семействъ или родовъ. Частью по лѣни, частью по невозможности лично управлять всѣмъ народомъ, они въ извѣстной степени пріобщаютъ къ государственной тайнѣ, посвящаютъ въ нее, и людей изъ чуждыхъ имъ родовъ, но никогда не иначе, какъ подвергнувъ ихъ предварительно долголѣтнимъ, строгимъ испытаніямъ, никогда не иначе какъ искусивъ напередъ преданность посвящаемыхъ интересамъ тайнаго общества. Отъ непосвященныхъ-же въ тайну, государственные люди требуютъ одного: слѣпаго, безпрекословнаго довѣрія къ нимъ, какъ къ своимъ благодѣтелямъ, какъ къ "отцамъ отечества", какъ къ людямъ, безъ которыхъ они "непосвященные" натерпѣлись бы несказанныхъ бѣдствій. Въ такомъ довѣріи или повиновеніи заставляютъ они людей давать клятвы-присяги, и вслѣдствіе сего они выдаютъ каждаго имъ непокорнаго за клятвопреступника, за безчестнаго человѣка, не держащаго своего слова.

Постараюсь описать какъ составились тайныя общества, называемыя Государствами.

I.

Вступить съ кѣмъ-нибудь въ союзъ, составить общество, значитъ: раздѣлить съ нимъ какой-нибудь трудъ. Нѣтъ, и не можетъ быть, обществъ, которыя бы не были основаны на раздѣленіи труда, на обмѣнѣ произведеній (товаровъ) труда, раздѣленнаго между членами общества. Мѣна, обмѣнъ, торгъ, одно и то-же. И такъ можно утвердительно сказать: нѣтъ общества, которое бы не было торговымъ обществомъ.

Такъ и государство есть торговое общество.

Кто-же въ немъ торгующіе, обмѣнивающіе между собою свои товары-произведенія?

Съ одной стороны, государственные люди или правительство; съ другой, подданные или народъ.

Подданные работаютъ въ потѣ лица и производятъ всѣ богатства, какія только есть на землѣ. Изъ нихъ они отдаютъ правительству часть, именуемую податью, изъ которой правительство беретъ себѣ жалованіе. Въ замѣнъ этого жалованія правительство даетъ народу распредѣленіе податей, т. е. даетъ направленіе производительнымъ жизненнымъ силамъ; оно даетъ ему сверхъ того сужденія (творить судъ), указанія (указы, законы); словомъ, даетъ умъ, мысли, направленіе воли.

— Но что-же во всемъ этомъ тайнаго? — восклицаетъ съ косой усмѣшкой неблагосклонный мой читатель(1).

---

(1) Почему обыкновенно въ предисловіяхъ читателя предполагаютъ благосклоннымъ не только именитые авторы, извѣстные любимцы публики (у нихъ на то есть основанія), но и люди новые, неизвѣстные въ литературѣ, особенно, если эти люди выступаютъ на поприще съ разсужденіями, съ рефлекціями?...

Вѣдь разсужденіе — судъ, разбирательство тяжбы, возникшей въ умѣ писателя между двумя мнѣніями. Одно изъ нихъ есть то, котораго писатель прежде держался; другое есть возникшее въ немъ позже, въ противуположность первому. Когда онъ излагаетъ ихъ, онъ приписываетъ старое свое мнѣніе читателю, новое-же представляетъ онъ какъ лично ему принадлежащее. И такъ, съ самаго начала между писателемъ и читателемъ споръ, полемика, а вовсе не обоюдная благосклонность.

— Тутъ все — тайна, начиная ужъ съ того, что никакое правительство не хочетъ признаться, что оно торговая компанія. А не хочетъ оно потому, что въ душѣ сознаетъ, что промышляетъ такимъ товаромъ, какимъ честнымъ промышленникамъ торговать не подобаетъ. Скажите, какъ возможно честнымъ образомъ брать деньги за умъ, за мысли, за сужденія? Какое, гдѣ мѣрило между цѣнностью мысли и цѣнностью произве-

---

Если при изданіи своего разсужденія авторъ не ошибся на счетъ занимательности для посторонняхъ процесса, происшедшаго въ его собственномъ умѣ; если онъ не ошибся, полагая, что прежнее его мнѣніе доселѣ еще раздѣляется его читателями, а недавно въ немъ возникшее со-*мнѣніе* ново и для нихъ; то онъ въ собственныхъ своихъ чувствахъ имѣетъ данную, по которой можетъ представить себѣ тѣ, которыя его книга возбудитъ въ читателяхъ. Какъ было у него на сердцѣ въ ту минуту, когда въ немъ возникло новое мнѣніе, возстало противъ прежнихъ его убѣжденій, когда начался споръ между тѣмъ и другими и онъ еще не успѣлъ разобрать его, синтезировать противурѣчія?

Если онъ искатель парадоксовъ, если онъ думаетъ для того, чтобъ найдти сказать что бы то ни было новое, оригинальное, и себя тѣмъ выказать, онъ обрадовался находкѣ. Такъ-же обрадуется ей и читатель охотникъ до новинокъ, перелистывающій книги съ цѣлью выбрать изъ нихъ чѣмъ бы при случаѣ пустить пыль въ глаза.

Если авторъ и читатель движимы чистой любознательностію, они встрѣчаютъ новое мнѣніе безстрастно.

Но оба эти случая рѣдки. Большая часть людей ни дилетанты діалектики, ни скептики, въ полномъ значеніи этого слова, т. е. искатели истины, а особы дѣловыя, мыслящія изъ практическаго интереса. Думать составляетъ для нихъ трудъ, которому они подвергаются, чтобъ имѣть или, точнѣе сказать, чтобъ вывѣрить планъ своей дѣятельности. Снимаемое на планъ есть міръ, — міръ доступный чувственнымъ органамъ человѣка. Эти органы и кладутъ первыя начертанія въ планѣ (міросозерцаніи), мышленіе служитъ лишь дополнительнымъ средствомъ къ чувствамъ. Еще нѣсколько изобрѣтеній подобныхъ телескопу и микроскопу, сказалъ Фонтенель, и люди увидятъ себя избавленными отъ труда мыслить. На сколько счелъ бы онъ бы насъ приблизившимися теперъ къ этой цѣли, еслибъ онъ зналъ, что мы покрываемъ нашъ земной шаръ линіями электрическихъ телеграфовъ, уничтожающими ощутительнымъ образомъ для мысли двѣ, по Канту, первыя ея формы: время и пространство!.. Умозрѣніе примѣнимо лишь къ тому, что недоступно непосредственно, т. е.: *со разу*, простому зрѣнію, или вообще ощущенію, частью по обширности, частью по мелкости (инфинитезимальности) своей. Ему дѣла нѣтъ до ясно-видимаго, до достовѣрнаго, а только до того, что смутно, сбивчиво внимаемо нами въ себя, гдѣ мы не чувствуемъ, а чуемъ, о чемъ у насъ споры, сомнѣнія, противурѣчащія другъ другу предположенія или догадки.

— Но откуда предположенія, разборомъ которыхъ занятъ умъ?

деній труда механическаго, которая одна первоначально и собственно представляема монетой? Каждый можетъ разсчитать сколько времени и труда ему нужно, чтобъ произвесть кусокъ хлѣба. А кто-же можетъ измѣрить сколько труда и времени ему нужно было для того, чтобъ набресть на умную или на глупую, на истинную или на ложную мысль, на вдохновеніе? И, сверхъ того, развѣ мысли уменьшаются, убываютъ оттого, что ими

Отъ того отправленія, которое называется фантазіей, воображеніемъ, могло бы, мнѣ кажется, еще выразительнѣе быть называемо соображеніемъ, и которое состоитъ въ сочиненіи въ цѣльныя, общія картины (планы) образовъ явленій, внимаемыхъ нами въ себя посредствомъ чувствъ постепенно, по частямъ. Лишь когда воображеніе путается въ сложеніи нѣкоторыхъ образовъ, наступаетъ дѣятельность ума-разсудка, аналитики или критики, дающіе для построенія геометрическихъ формъ воображенія свои алгебраическія формулы. — Въ образахъ умъ разбираетъ именно неясновидимыя, загадочныя, спорныя ихъ межи, очерки, предѣлы. Онъ разнимаетъ образы (по гречески называемые идеи), оспаривающіе другъ у друга мѣсто, и поэтому называется разумъ (отъ слова: разъять); онъ раздѣляетъ между ними мѣста, стараясь дать каждому свое, и поэтому Нѣмцы называютъ его способностью дѣленія (Urtheilskraft); онъ опредѣляетъ какъ какому образу слѣдуетъ быть, чтобъ всѣ могли умѣститься въ одномъ планѣ міра, или, какъ простонародно говорятъ, въ головѣ человѣка.

Тѣ части нашего плана міра, которыхъ образы улеглись безъ труда, безъ умственнаго напряженія, не отмѣчаются у насъ въ памяти яркой краской. Объ нихъ мы отзываемся: "само собою разумѣется". Намъ остаются памятны, замѣчательны, дороги только нѣкоторые пункты въ тѣхъ областяхъ, гдѣ мы долго не могли догадаться, какъ согласовать представившіяся противурѣчія. Эти пункты межевыя ямы вырытыя вслѣдствіе тяжбъ, озадачившихъ, поставившихъ было въ тупикъ нашу думу-судъ. Ихъ называемъ мы нашими убѣжденіями; ихъ касаться мы неохотно позволяемъ.

Но хотя богатство знанія человѣка состоитъ въ памятованіи лишь того, какъ рѣшается извѣстное количество затруднительныхъ случаевъ или вопросовъ, встрѣтившихся людямъ при сочиненіи ихъ міросозерцанія (общественнаго мнѣнія, sens commun тожъ), тѣмъ не менѣе все міросозерцаніе, весь планъ міра въ каждую минуту присущъ человѣку.

Чтобъ быть въ состояніи дѣйствовать энергически хоть въ одной малѣйшей области, ему нужно имѣть увѣренность, что въ цѣломъ его планѣ нѣтъ погрѣшности, что этотъ планъ все обнимаетъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, словомъ, что нѣтъ ничего *неизвѣстнаго* человѣку. Такая вѣра, говорю я, нужна каждому для рѣшительности въ дѣйствіяхъ, еслибъ онъ былъ и величайшій спеціалистъ: каждый изъ насъ болѣе или менѣе ясно сознаетъ, что намъ надобно знать всѣ части міра, хотя бы уже для того только, чтобъ умѣть опредѣлить которыя изъ нихъ имѣютъ вліяніе, которыя

подѣлишься, такъ какъ убываетъ кусокъ хлѣба, когда имъ подѣлишься съ другими? Мысль какъ огонь. Сколькимъ ни давай засвѣтить свои свѣчи объ ту, которую ты держишь зажженною у себя въ рукѣ, у тебя-то вѣдь свѣта не убудетъ, твоя свѣча вѣдь оттого не погаснетъ. Продавать мысль за деньги, это все-равно, что скупиться на огонь, на свѣтъ, на пламень; это все-равно, что скрыть свѣтъ подъ спудъ и говорить про-

---

нѣтъ, на нашу спеціальность; кому не все вообще извѣстно, тотъ и ничего частнаго не можетъ знать въ совершенной подробности. —Безъ чего, по нашему мнѣнію, намъ нельзя или очень трудно быть, о томъ мы весьма склонны думать, что оно дѣйствительно есть у насъ; поэтому большинство людей полагаетъ, что оно имѣетъ это необходимое для твердости въ дѣйствіяхъ знаніе.

Дѣловые люди никогда и не ищутъ неизвѣстнаго. Когда такое, что они еще ни разу не видали, является передъ ними, оно предстаетъ предъ ними безъ ихъ спроса, не по ихъ волѣ, случайно. Доселѣ не только

"И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно",

но и познаемъ точно такъ-же.

Случайно — значитъ: вслѣдствіе либо того, что предметы переставились, измѣнили свое положеніе относительно къ зрителю, что они повернулись къ нему новыми сторонами, очутились его глазамъ въ новомъ свѣтѣ, либо что самъ зритель безпамѣтно перемѣнилъ свое мѣсто, свою точку зрѣнія.

Вспомнимъ, что для того, чтобъ человѣкъ взялъ живо во вниманіе являющееся передъ нимъ, оно должно показаться ему сколько-нибудь особеннымъ (sonderbar, vom Uebrigen sich absonderend, absteehend), страннымъ, чуждымъ, противурѣчащимъ всему ему дотолѣ привычному, несовмѣстнымъ со всѣмъ ему дотолѣ знакомымъ. — Къ намъ чуждому мы сначала не благосклонны; уже самое открытіе существованія чего-либо намъ бывшаго неизвѣстнымъ обличаетъ, что до тѣхъ поръ наше воззрѣніе на міръ было недостаточное. И потому первое естественное наше побужденіе при встрѣчѣ неизвѣстнаго отрицать его, уничтожить; второе, если опровергнуть дѣйствительность новаго намъ не удается, — стараться открыть и доказать, что оно ничто иное какъ съ перваго взгляда не узнанный нами одинъ изъ давно уже знакомыхъ намъ предметовъ. Поэтому нашъ первый вопросъ: Что такое? Was ist das? Qu'est-ce que c'est? — Въ этомъ вопросѣ первое мѣстоимѣніе (Что, Was, Qu'est) означаетъ предметы внесенные въ наше міросозерцаніе, вторымъ (Das, Такое, Ce que c'est) указываемъ мы на подлежащее вниманію или чувствамъ. Не о самомъ бытіи неизвѣстнаго спрашиваемъ мы; мы озабочены лишь узнать, *которое* оно изъ извѣстныхъ: мы съ самаго приступа хотимъ опредѣлить неизвѣстное какъ нѣчто извѣстное. А это именно доказываетъ существованіе въ нашемъ умѣ предположенія, что намъ *все* извѣстно.

Если намъ удалось либо опровергнуть дѣйствительность новаго, либо подвести его подъ имѣющіеся у насъ въ головѣ готовые

ходящимъ мимо васъ въ темнотѣ: "У меня есть свѣтило, вы идете по краю пропасти; какъ разъ можете обступиться; я готовъ вамъ засвѣтить ваши свѣчи, но сколько вы мнѣ за то дадите?" Наконецъ, умомъ промышлять такъ-же позорно, какъ промышлять поцалуями, красотою. Красота, крѣпость здоровья, точно такъ-же какъ расторопность ума, драгоцѣнныя блага, не всѣмъ въ удѣлъ достающіяся, рѣдкія; онѣ, точно

образы, роды или понятія (три слова означающія, по мнѣ, одно и то-же), дѣло вниманія нашего кончено, оно отворачивается отъ предмета. — Но если ни то, ни другое не удается, тогда начинается для насъ работа: — Пришельца надо опредѣлить, пристроить къ мѣсту, вселить въ составленный нами себѣ планъ вселенной, для того чтобъ этотъ планъ былъ вѣрный снимокъ дѣйствительности, а въ немъ всѣ мѣста оказываются занятыми! — Чтобъ очистить новому образу уголокъ, намъ приходится переставить, перестроить прежде пріобрѣтенные. Тогда-то мы поднимаемъ старину, и то о чемъ мы думали, что оно само собою разумѣется, и дѣла почтенныя нами конченными и какъ таковыя отложенныя въ архивъ памяти; мы перебираемъ, тревожимъ эти понятія, требуя отъ каждаго изъ нихъ отчетъ, почему оно такъ, а ни уже, ни шире расположилось въ нашей головѣ.

Только по поводу *случайно* находимаго нами повода, обращаемъ мы вниманіе на понятія, принятыя нами издавна безъ критики, и на однажды рѣшенные вопросы, и открываемъ, что живя на нихъ, мы жили на недоразумѣніяхъ, на негодованіяхъ, подъ одними и тѣми-же словами представляли себѣ разное, и на оборотъ,—изъ чего происходили раздоры внутри отдѣльныхъ людей и въ обществахъ.

Но вотъ наконецъ намъ удалось умѣстить старыя и новыя понятія въ одной общей рамѣ (обобщить), и мы празднуемъ, думая, что вотъ теперь-то наконецъ у насъ все окончательно въ головѣ уложено, мы *догадались* какъ что къ чему въ мірѣ относится, наша игра въ grand patience, называемая Система, вышла, остается только приложить ее къ дѣлу, поставить предметы въ ихъ нормальныя взаимныя отношенія... А тутъ, смотришь, снова выказывается какая-нибудь невидаль, требуетъ быть принята въ соображеніе, въ планъ, не находитъ себѣ въ немъ мѣста свободнаго отъ постоя, и — намъ снова приходится перетасовать карты, приняться за передѣлку Идеи...

— И вѣчно будетъ такъ идти?

Мыслить значитъ опредѣлять: опредѣлять значитъ отыскивать предѣлы. Поэтому, что̀ метафизики ни говори, ничто безконечное, безпредѣльное не постижимо мысли. — Въ дѣлѣ нашего умственнаго развитія нельзя не принять, что какъ бы обширенъ ни былъ міръ, подлежащій нашему разпознаванію, онъ однакожъ ограниченъ, потому, что наши органы, каждый въ своей сферѣ, не безпредѣльно воспринимаютъ. Нельзя не допустить также, что число всевозможныхъ перестановленій предметовъ относительно къ человѣку никогда не будетъ исчерпано, т. е., что придетъ-же когда-нибудь время,

такъ-же, какъ блестящія умственныя способности, были доселѣ удѣломъ — не "чернаго народа", а — аристократическихъ родовъ. Онѣ, такъ-же какъ счастливое устройство мозга, обыкновенно (не говорю: всегда) вырабатываются поколѣніями живущими въ довольствѣ. Нужда истощаетъ, притупляетъ, дѣлаетъ чахлымъ не только самаго того человѣка, который ее претерпѣ-

---

въ которое они уже не будутъ представляться намъ съ еще невиданныхъ нами сторонъ. — Когда всѣ доступные человѣческому вниманію предметы будутъ внесены въ память во всѣхъ своихъ разныхъ видахъ, когда мы все разомъ обоймемъ, окинемъ однимъ взоромъ, тогда будетъ и послѣдній судъ, послѣднее разсужденіе, окончательное опредѣленіе, размѣщеніе, устройство (въ мірѣ человѣческомъ, на планетѣ Землѣ).

Но пока мы не убѣждены, что для насъ подлинно уже ничто не ново подъ луною, мы въ разсужденіяхъ нашихъ похожи на судей, которые не увѣрены, всѣ-ли обстоятельства дѣла имъ раскрыты и которые оттого, по справедливости, не могутъ полагать безапелляціонныхъ приговоровъ. Наши системы, наши классификаціи доселѣ ничуть не положительныя, а предположительныя; онѣ держатся именно на той гипотезѣ, что опытъ впредь не откроетъ ничего что бы уже не было извѣстно или противорѣчило доселѣ извѣстному. Онѣ всѣ болѣе или менѣе тщательно разработанныя пропедевтики ("начальныя основанія", "элементы" наукъ), но далеко еще не энциклопедіи.

Это слѣдовало бы намъ постоянно держать у себя на памяти, чтобъ не *заключать* нами понятія въ замкнутыя, принудительныя, абсолютныя системы съ тою-же спѣшностію, съ какою мы сами смыкаемся въ безусловные союзы. — Это слѣдовало бы намъ не упускать изъ виду, чтобъ быть въ состояніи идти впередъ — къ цѣли нашей — съ отверзтыми объятіями всему новому, что́ можетъ встрѣтиться намъ на пути.

Но понынѣ мы совершенно одинаково поступаемъ въ сочетаніи мыслей и въ сочетаніяхъ самихъ себя, въ обобщеніи понятій и въ общеніяхъ или обществахъ людскихъ. И тамъ и тутъ нашъ образъ дѣйствія отзывается юношествомъ. Въ познаніи равно какъ въ практической жизни мы бредемъ на угадъ, встрѣчаемъ новое, и первое наше чувство притомъ обыкновенно — негодованіе, досада, — именно на новое во имя стародавняго, осѣдлаго, пріобрѣтеннаго, которое мы считали за все (pars pro totum). Когда мы не можемъ не признать дѣйствительность новаго, то второе наше чувство обыкновенно опять досада, но въ этотъ разъ на старое, за то что оно сперва казалось намъ цѣлостнымъ, а потомъ оказалось несостоятельнымъ противъ новаго. Послѣднему мы тогда не только даемъ мѣсто, но ставимъ его превыше всего остальнаго, дѣлаемъ его *господствующимъ* надъ всѣми прочими нашими понятіями, представителемъ всѣхъ ихъ (pars pro totum). Такъ мечемся мы изъ спиритуализма въ матеріализмъ, изъ идеализма въ эмпиризмъ, и обратно. Въ Библіи разсказывается, что Іаковъ однажды ночью встрѣтился

ваетъ, но и дѣтей имъ порождаемыхъ, которыхъ онъ не въ состояніи порядочно вскормить, не только воспитать. Но уже не говоря о томъ, что для того чтобъ нѣкоторые могли быть холены и взлелѣяны, нужно было чтобъ другіе за нихъ работали, изнурялись и тѣмъ самымъ доставляли прародителямъ первыхъ средства ихъ взлелѣять, — изъ чего слѣдуетъ, что эти,

---

съ незнакомцемъ. Они немѣдленно вступили въ борьбу и боролись до разсвѣта. Наконецъ Іаковъ увидѣлъ, что ему не одолѣть незнакомца. Этотъ намѣренъ былъ удалиться. Іаковъ задержалъ его и просилъ, передъ отходомъ дать ему свое благословеніе. — Это эмблема всего нашего образа дѣйствія понынѣ. — Не только непросвѣщенные, но и ученые между нами по большей части не скептики, а безусловно во что-нибудь вѣрующіе, фанатики, и поэтому судятъ то милостиво, то гнѣвно. А между тѣмъ не патетическій, но именно скептическій взглядъ на свое разсужденіе слѣдуетъ каждому писателю желать отъ читателя. Только съ скептикомъ можно желать вступить въ разсужденіе. Съ людьми-же мнѣній уже завершенныхъ, или какъ Нѣмцы говорятъ: готовыхъ (fertig), а Французы: остановленныхъ (arretées), можно съ самыхъ первыхъ словъ находиться только либо въ полномъ согласіи, либо въ страстной враждѣ; въ обоихъ случаяхъ нечего разсуждать.

... Согласовать скептицизмъ съ врожденною человѣку потребностью дѣятельности, съ неискоренимыми влеченіями его сердца, самое важное, но и самое трудное дѣло. Въ другихъ, но болѣе изношенныхъ словахъ, это — согласовать теорію съ практикой, сдѣлать умозрительныя натуры дѣловыми, а практическія не ослѣплёнными фанатиками. Не повторю здѣсь прекрасныя страницы, написанныя объ этомъ предметѣ Жоржъ Зандомъ въ предисловіи къ изданію Исповѣди Руссо, сдѣланному Шарпантье; эти страницы извѣстны и многими по достоинству цѣнимы въ Россіи. Скажу только, что, по мнѣ, человѣкъ, послѣднее произведеніе Природы, существо чрезъ которое она стремится устроиться въ нормальный порядокъ, естественнымъ образомъ желаетъ все, что бы онъ ни дѣлалъ, сдѣлать хорошо, т. е. окончательно, въ совершенномъ видѣ, полно, цѣлостно, прочно, вѣковѣчно, такъ чтобъ ему не надобилось впредь возвращаться на однажды содѣланное и передѣлывать его. Равнодушіе къ тому, худо-ли, хорошо-ли что дѣлаешь, признакъ животности; человѣку оно не свойственно. Вслѣдствіе этого равнодушія животныя никогда ничего и не оканчиваютъ, не завершаютъ, не рѣшаютъ, не заключаютъ, а остаются при одномъ и томъ-же образѣ дѣйствія. (Эта неизвѣстность принимаема сентиментальными поклонниками Природы за знакъ непогрѣшительности инстинкта животныхъ, который они вслѣдствіе сего превозносятъ надъ умомъ человѣческимъ. Въ самомъ-же дѣлѣ животныя не лучше, а еще хуже чѣмъ люди, устроили себѣ жизнь. Ссылаюсь на сочиненія К. Фогта: Bilder aus dem Thierleben (стр. 322-3) и Thierstaaten. Уже самое заглавіе послѣдней книги показываетъ, что, по изслѣдованіямъ приводимаго мною ученаго натуралиста, Государственный бытъ не составляетъ исключительную принадлежность человѣческаго рода.

первые, своими преимуществами обязаны именно изнурявшимся и должны за то воздать ихъ потомкамъ,— не говоря уже объ этомъ, я спрашиваю читателя, котораго предполагаю одареннымъ высокимъ умомъ: было-ли бы честно съ его стороны, еслибъ онъ сталъ промѣнивать на трудовыя произведенія другихъ то, что ему-то самому досталось даромъ, по наслѣдству? —Спрашиваю читательницу, которую предполагаю красавицей: было-ли бы честно съ ея стороны, еслибъ она требовала отъ другихъ то, что они пріобрѣтаютъ

Не должно только отсюда заключать, что животныя человѣкоподобны, умны какъ люди, а, на оборотъ, что оставаться вѣковѣчно въ Государственномъ бытѣ подобаетъ животнымъ). Только человѣкъ покамѣсть переходитъ отъ одного быта къ другому, изъ одного ряда дѣйствій (періода) въ другой, прогрессируетъ. — Но отсюда и торопливость, страстность, нетерпимость въ человѣкѣ, не видимая въ животномъ. Человѣку труднѣе терпѣть; терпѣть, страдать для него одно и то-же.

Нетерпимость — это фанатизмъ, терпѣливость — скептицизмъ.

На первый взглядъ тутъ непримиримая противуположность. Но всматриваясь пристальнѣе, видишь, что скептицизмъ требованіе лишь временное, именно нашего вѣка. Скептицизмъ не противится дѣятельности вообще, онъ не только не препятствуетъ дѣлать опыты, но даже вызываетъ къ тому. Чего онъ не допускаетъ, это безусловныхъ постановленій, торопливыхъ заключеній изъ ряда опытовъ, своевольнаго со стороны человѣка завершенія одного какого-либо періода и перехода въ новый. Скептицизмъ требуетъ, чтобъ заключеніе само-собою вытекало изъ фактовъ, невынужденно, даже неожиданно для человѣка, такъ какъ является послѣднее уравненіе (то именно "что требовалось доказать") въ теоремахъ геометріи доказываемыхъ синтетическимъ путемъ.— Нахожусь-ли я въ эту минуту передъ заключеніемъ одного періода моихъ дѣйствій, моихъ изслѣдованій, моей жизни, этого я теперь, въ эту минуту, не могу знать и узнаю лишь тогда, когда увижу себя уже вступившимъ въ новый періодъ. — Старайся устроить все такъ, чтобъ оно могло стоять вѣчно, говоритъ скептицизмъ, служить постояннымъ и общимъ правиломъ для всего тебѣ извѣстнаго, но помни притомъ, что ты дѣлаешь не болѣе чѣмъ опытъ; и потому, если тебѣ откроется что-либо новое, которому тѣсно подъ сводомъ твоего зданія, которое не подходитъ подъ твое правило, то не гони, не казни это новое, а расширь твое зданіе, обобщи твое правило, чтобъ и нововстрѣтившемуся было въ немъ мѣсто. Несмотря на трудъ передѣлки, у тебя есть причина радоваться появленію новаго: пусть бы лишь скорѣе все уполномоченное на жизнь въ человѣческомъ мірѣ предъявило свои права человѣку. Тѣмъ скорѣе ему далось бы установить окончательный порядокъ, который не можетъ быть ни для чего частнаго порознь или исключительно, а можетъ быть только всеобъемлющъ.

въ потѣ лица, за удовольствіе взглянуть на ея изящную осанку, которую она вѣдь не сама-же себѣ дала?(1)

Дѣло въ томъ, что вовсе не все можетъ истинно быть обращено въ спеціальность или ремесло; занятія не могутъ быть произвольно раздѣляемы людьми между собою. Другими словами (такъ какъ *раздѣленіе занятій* значитъ *общество*) : сочетаніе людей въ общества, составленіе между ними союзовъ столь-же мало нѣчто произвольное, столько-же подлежитъ извѣстнымъ законамъ, сколько сочетаніе химическое. Далеко не каждая (механическая) смѣсь тѣлъ предетавляетъ (химическій) союзъ этихъ тѣлъ.

Есть предѣлы дѣлимости нашихъ отправленій, т. е. есть дѣла, которыя каждый изъ насъ долженъ непремѣнно самъ за себя отправлять и не можетъ исполнять за другаго; (непремѣнно! т. е. *если* онъ не хочетъ погибнуть;) и именно потому, что каждый изъ насъ недѣлимое (individuum).—Если я подряжаюсь за другого мыслить, брать вмѣсто него рѣшенія по какому пути ему идти, то тѣмъ самымъ я обязываюсь избавить, отрѣщить его отъ его собственнаго ума, отъ его собственной воли. Мы съ нимъ тогда раздѣлили занятія такимъ образомъ, что на меня имѣютъ перенестись отправленія его головы. Голова его, послѣ этого, должна собственно быть уже не на его плечахъ, а на моихъ, чужихъ ему. Исполнимъ-ли такой подрядъ?... А вѣдь правительства берутъ его на себя и говорятъ, что они его исполняютъ.

— Да все-таки я ничего не вижу *тайнаго* въ томъ, что занятія такъ раздѣлены между людьми, что одни мыслятъ, хотятъ, заботятся ("пекутся") за другихъ, а эти другіе работаютъ за первыхъ мышцами, замѣчаетъ мнѣ читатель. Какое-же правительство не выдаетъ себя торжественно за "главу" народа?— Кажется этотъ секретъ разглашается довольно громко уже со временъ знаменитаго государственнаго мужа Менснія Агриппы, которому именно такимъ объясненіемъ удалось усмирить возмутившихся-было римскихъ Пле-

(1) "Даромъ получили, даромъ и давайте". Евангеліе отъ Матѳея, гл. X, стр. 8. — Proudhon. Qu'est-ce que la propriété? — Premier mémoire, ch. III, § 7.

беевъ и уговоритъ ихъ возвратиться въ повиновеніе къ Патриціямъ.

Да и какъ можно называть неестественнымъ образъ раздѣленія труда, на основаніи котораго управленіе или правительство составляютъ спеціальность нѣкоторыхъ людей, когда этотъ порядокъ длится тысячелѣтія, нѣсколько видоизмѣняется иногда такъ называемыми революціями, но въ сущности остается непоколебимъ! Какъ ни странно, но, видно, большинству людей искони пріятнѣе слагать свою голову на чужія плечи, а самимъ ходить безголовыми туловищами; видно, Іезуиты вѣрно знаютъ человѣческую природу, твердя тѣмъ, которыхъ они обращаютъ: "вѣрьте, что слушаться спокойнѣе чѣмъ повелѣвать; ничто не можетъ быть лучше для человѣка чѣмъ ходить руководиму старшимъ его такъ-же покорно, какъ ходитъ трость въ рукахъ старца..."

Наконецъ, если отношеніе между правительствомъ и народомъ, какъ вы говорите, торговая сдѣлка, то тѣмъ самымъ правительство оправдано; если правительство *предлагаетъ* свой товаръ, да притомъ находитъ ему *сбытъ*, то вѣдь это возможно лишь потому, что народъ, съ своей стороны, дѣлаетъ *спросъ* на этотъ товаръ. Торговыя сдѣлки—отношенія полюбовныя, добровольныя.....

— Нѣтъ! торгъ торгу рознь, и далеко не всѣ торги дѣла полюбовныя, миролюбныя. Доселѣ весьма рѣдко спросъ соотвѣтствовалъ предложенію, потребность предлагаемымъ для нея средствамъ. Сначала въ каждой отрасли промышленности предложеніе предшествуетъ спросу, товаръ *навязываемъ* продавцемъ покупателю. Лишь впослѣдствіи, когда покупатель уже успѣлъ ознакомиться съ товаромъ, привыкнуть къ нему, найдти его по чему-либо соотвѣтственнымъ своимъ нуждамъ, является съ его стороны запросъ, заказъ. Торговля до того, въ сущности, не мирное дѣло, что она даже вездѣ возникла изъ хищническихъ набѣговъ, и первые торговцы были ничто иное, какъ морскіе разбойники, а не кроткіе "гости". Не говорю только о Финикіянахъ и Карѳагенцахъ, объ извѣстномъ стихѣ Виргилія: Timeo Danaos, et dona ferentes, а напоминаю, что и Ганза и Венеціанцы, наконецъ и современные намъ Англичане (воевавшіе съ Китайцами за то, что эти

хотѣли-было *не* покупать отъ нихъ опіумъ) не руководствовались правилами Общества друзей мира.

Вообще сношенія между людьми начинаются не иначе какъ враждою, боемъ, состязаніемъ. Ужиться, поладить между собою есть цѣль, есть предѣлъ, къ которому люди постепенно приближаются, а вовсе не исходная точка ихъ развитія. Сначала *сладить*, *совладать* съ человѣкомъ, значитъ: поработить его себѣ. Въ Книгѣ Бытія говорится, что когда на землѣ было всего два брата, тогда первымъ дѣломъ было то, что одинъ другого умертвилъ, завидуя его стаду.—Лишь со временемъ сильный міра сего, т. е., просто сказать, разбойникъ нападаетъ на мысль, что для него выгодно не убивать слабаго побѣжденнаго, и даже не грабить его до тла, а оставлять ему и жизнь и изъ произведеній его что крайне необходимо для того, чтобъ рабъ могъ продолжать работать, производить, и чтобъ разбойникъ-побѣдитель могъ, по мѣрѣ того, какъ рабъ что наработаетъ, отнимать это у него періодически. Другими словами: разбойникъ предпочитаетъ постепенный, разсроченный грабежъ и умерщвленіе однократному; онъ предпочитаетъ отнимать—не произведенное, а—производимое. Съ этой цѣлью разбойникъ налагаетъ руку или клеймо свое на все что служитъ для побѣжденнаго орудіемъ для добыванія себѣ средствъ жизни. Земля, дорога, строеніе, лѣсъ, скотъ побѣжденнаго, все объявляется *собственностью* побѣдителя, который становится между ними (орудіями-то производства) и побѣжденнымъ-производителемъ и говоритъ послѣднему: "Я могъ убить тебя; я не сдѣлалъ этого. Цѣни мое великодушіе и помни мою милость! Я не только оставляю тебѣ дыханіе, но я даже готовъ дать тебѣ и способы пропитывать себя. Здѣсь все мое. Хочешь пользоваться имъ?—пользуйся; я дозволяю тебѣ проѣздъ къ тому моему полю чрезъ эту мою дорогу и заставу, дозволяю тебѣ пахать поле, засѣвать его и собирать съ него жатву, но какъ оно *мое*, то ты столько-то изъ сноповъ, которые ты нажнешь, принесешь на мой господскій дворъ. И горе тебѣ, если ты, за мое великодушіе, попытаешься отплатить мнѣ неблагодарностью, т. е. показать меньшее число сноповъ, чѣмъ то, которое въ самомъ дѣлѣ будетъ тобою набрано".

Это говоритъ разбойникъ тѣмъ изъ невольниковъ, которыхъ онъ не заблагоразсуждаетъ оставить при своей особѣ, во своемъ дворѣ, и которые называются крестьянами, поселянами, разныхъ наименованій. Тѣмъ-же, которыхъ онъ при своей особѣ оставляетъ, — дворовымъ холопамъ, — *его величество* гласитъ: "Ребята, или Малые! вы, я чай знаете, что вы—мои, что я каждаго изъ васъ могу повѣсить на первой осинѣ. Но я не хочу этого! Напротивъ того, я хочу прокармливать каждаго изъ васъ, обувать и одѣвать, дать каждому ночлегъ подъ моей кровлей. Понимаете-ли вы всю необъятность моего милосердія? — (онъ не сдѣлалъ все то зло, которое онъ *могъ* сдѣлать; онъ не сдѣлалъ того, что ему показалось излишествомъ, ненужнымъ) — за то вы будете мнѣ денно и нощно служить вѣрой и правдой, т. е. исполнять все что бы я ни приказалъ. И горе неблагодарному преступнику!"

Условія, на которыхъ побѣдитель оставляетъ побѣжденному жизнь и даетъ ему разработывать что-либо, называются впослѣдствіи *законы гражданскіе*. Угрозы тѣмъ, которые вздумали бы нарушать эти условія, это *законы уголовные*.

За тѣмъ проходятъ годы, поколѣнія смѣняются поколѣніями, какъ на сторонѣ побѣдителей, такъ и на сторонѣ побѣжденныхъ. Между потомками тѣхъ и другихъ воспоминаніе объ ожесточенной борьбѣ, бывшей при завоеваніи, постепенно утрачиваетъ свою живость; ненависть между внуками не столь яростна, сколько она была между ихъ дѣдами. Это называютъ постепеннымъ *смягченіемъ нравовъ* народа, и состоитъ въ томъ, что потомки побѣдителей находятъ гораздо пріятнѣе въ мірѣ и тишинѣ пользоваться хоть бы меньшими доходами съ своей собственности (т. е. трудами побѣжденныхъ), чѣмъ вырывать ихъ насильственно, хотя бы и въ большемъ количествѣ. Побѣжденные, съ своей стороны, предпочитаютъ "худой миръ доброй ссорѣ". — И вотъ на устахъ у всѣхъ слова: *Миръ, упроченіе мира*. — Побѣдители слагаютъ съ себя оружіе и приходятъ уже безъ копій, панцырей и мечей на площади собраній. Этотъ моментъ оставался долго памятенъ древнимъ; народы Греціи хвастались тѣмъ, у котораго изъ нихъ это событіе совершилось

раньше чѣмъ у другихъ; Ѳукидъ (I, 6) говоритъ, что честь первенства принадлежитъ его, Аѳинскому, народу. Переворотъ этотъ въ нравахъ называется такъ-же переходомъ изъ варварства въ *гражданственность* (по гречески politeia, откуда французскія слова police и politesse).

И такъ вотъ мы уже въ періодѣ процвѣтанія *полицій* или "*управъ благочинія*", "благоустроенныхъ" государствъ и правительствъ! Насиліе, "грубая сила", грубое приневоливаніе оффиціально презираемы какъ безчинство, какъ "нарушеніе общаго порядка, мира, спокойства, тишины, согласія", наконецъ — "любви", которыя объявляются существующими между гражданами. Сохранять, поддерживать миръ и порядокъ, вотъ цѣль общества, въ которое теперь люди устроились, сложились и которое называется *Государствомъ*.

Прекрасно! — И такъ уже изглажены всѣ воспоминанія борьбы, вражды, бывшей между людьми? — отъ завоеванія или покоренія одного племени другимъ уже не осталось никакихъ слѣдовъ? — Нѣтъ больше ни господъ, ни рабовъ, а есть лишь равные между собою, другъ друга любящіе граждане, "сыны" одного и того-же любезнаго отечества и потому "братья" между собою?

Нѣтъ! — дѣло не совсѣмъ такъ. Цѣль "благоустроеннаго" государства есть, разумѣется, сохраненіе, содержаніе порядка, однажды установленнаго; оттого оно и называется по латыни Status, словомъ выражающимъ стойкость, неподвижность, по русски *Держава*, словомъ, намекающимъ на сжатый кулакъ, который смыкаетъ людей, не даетъ имъ разойтись, своевольничать. — Возлѣ *державы* всегда находится ей на помощь въ случаѣ нужды *скипетръ*, слово греческое (skeptron), значущее: палка. И то и другое, и скипетръ и держава, всегда представляемы въ лапахъ какого-нибудь животнаго, но непремѣнно *хищнаго*, какъ на пр. орла, льва, и т. п... Цѣль "благоустроеннаго" государства есть, разумѣется, сохраненіе, содержаніе *мира*; оно потому только и существуетъ, что миръ заключенъ. Но — миръ не бываетъ заключенъ безъ договоровъ, уговоровъ, оговорокъ, условій; миръ — "не беззаконный"; его главное условіе или главный законъ — чтобъ

вонъ то, что на гербахъ государственныхъ изображено подъ видомъ хищнаго-то звѣря, орла, либо льва, чтобъ *оно* въ мирѣ и тишинѣ (тайнѣ) пользовалось плодами трудовъ своихъ предковъ—трудовъ состоявшихъ въ умерщвленіи тысячей людей и порабощеніи сотней тысячь другихъ. Государство полагаетъ себѣ цѣлью упрочить не иной какой-либо *порядокъ* вещей, не иныя какія-либо отношенія между людьми, не иной какой-либо *миръ*, какъ тотъ или тѣ, въ которомъ или которыхъ оно при возникновеніи своемъ застаетъ людей. А какъ оно всегда и вездѣ возникаетъ лишь послѣ покоренія одного племени другимъ, лишь послѣ установленія послѣднимъ Собственности, то порядокъ, упрочиваемый государствомъ, есть не иной чѣмъ установленный силою, насиліемъ, войною.

(Гдѣ не было нашествія иноплеменныхъ, тамъ нѣтъ и "благоустроенной" собственности, (особенно поземельной, первобытной), тамъ нѣтъ учрежденія, называемаго "благоустроеннымъ" государствомъ, имѣющаго назначеніемъ быть оплотомъ собственности. Болѣе того, — чѣмъ нашествіе иноплеменныхъ гдѣ было сильнѣе, покореніе или завоеваніе ими туземцевъ полнѣе, тѣмъ тамъ и собственность и государство благоустроеннѣе, прочнѣе, крѣпче, рѣзче, опредѣленнѣе развиты: — У патріархальныхъ народовъ, у которыхъ всѣ люди одноплеменны, болѣе или менѣе родственники между собою, не видать ни письменныхъ законовъ, ни ясно-очерченной частной собственности, ни властей въ родѣ государственныхъ. Они кочуютъ съ мѣста на мѣсто; вмѣсто законовъ есть у нихъ лишь кой-какіе неопредѣленные, не строго обязательные обычаи; если есть и собственность, то лишь общинная, родовая, принадлежащая цѣлому племени въ совокупности; если и есть власти или начальства, то лишь родовыя, походящія на родительскія, семейныя, на власти старшинства—Отчего? Да когда-же родные, друзья, полагаютъ между собою форменныя, казенныя условія? — Зачѣмъ бы имъ это дѣлать? — Условія, договоры, *законы* поставляются лишь какъ предохранительныя мѣры, какъ рубежи, предѣлы *(коны)*, ограды, между другъ другу не довѣряющими; и степень точности ихъ изложенія всегда соразмѣрна степени недо-

вѣрія между договаривающимися сторонами. Въ странахъ, гдѣ и бывали нашествія иноплеменныхъ, но гдѣ эти не осѣдали, какъ на пр. въ Россіи (напоминаю Варяговъ и Татаръ, — но не Нѣмцевъ), тамъ и государственныя учрежденія, всѣ относящіяся къ собственности — остались въ шаткомъ, неопредѣленномъ видѣ(1). Естественно, что наплывъ племенъ былъ сильнѣе, что нашествія ихъ оставляли больше осадка — въ тѣхъ краяхъ, которые привлекали племена своимъ климатомъ и плодородіемъ почвы, и изъ которыхъ, разъ взойдя въ нихъ, они не могли легко двигаться далѣе, находя на такія естественныя границы, какъ моря. Оттого въ южныхъ и западныхъ странахъ Европы государства возникли раньше, чѣмъ въ среднихъ и восточныхъ.

Изъ сказаннаго видно, что коренная погрѣшность Государства состоитъ въ томъ, что, выдавая себя имѣющимъ цѣлью *миръ*, оно стремится упрочить результаты *завоеванія*.

Поэтому оно необходимо находится въ *ложномъ* положеніи, должно прибѣгать къ средствамъ лжи: къ таинственности, или скрытности, къ двуличности, хитрости, обману.

Явное насиліе, непосредственное, исчезаетъ при установленіи Государства, но только чтобъ уступить мѣсто косвенному приневоливанію, приневоливанію чрезъ обманъ — насилію благовидному.

Одною изъ главныхъ мѣръ, принимаемыхъ господствующимъ классомъ для удержанія невольниковъ въ покорности, есть внушеніе имъ мысли, что *какъ что есть, такъ оно и должно быть и иначе быть не можетъ*; эта мысль, справедливо сказалъ Эдгаръ Бауэръ(2), есть краеугольный камень *Религіи*. Религія значитъ: связь, вѣра связующая человѣка. — Всѣ господа искони твердятъ рабамъ: "Нѣсть власти развѣ отъ Бога, а потому,

(1) Нѣтъ добросовѣстнаго Русскаго, который сталъ бы утверждать, что его отечество уже теперь дѣйствительно благоустроенное государство. Покамѣстъ Россія это только на видъ, и именно со временъ Екатерины II, которая первая указомъ 1765 г. о размежеваніи *закрѣпила* поземельныя владѣнія въ поземельную собственность.

(2) Streit der Kritik mit Kirche und Staat.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

если мы владѣемъ вами, если вы наша собственность (1), если вы намъ при-над-лежите (т. е. вы—прилагательное, придаточное (attributa), а мы — главное, существительное), а не на оборотъ, то это потому, что Богъ такъ уже разъ навсегда установилъ—мы сыны Божіи, divi, бог-атыри, бог-атые, бож-ественные, благородные, aristoi, дѣти Марса, а вы—сыны человѣческіе".

Стоитъ-ли напоминать, что религія вездѣ и всегда окружаетъ себя таинственностію, что первосвященники люди изъ такихъ знатныхъ родовъ, какъ родъ Юлія Кесаря?...

Первый шагъ къ перевороту въ религіозномъ-фаталистическомъ міросозерцаніи совершается тогда, когда люди начинаютъ полагать, что не только сила, власть и богатства дары отъ Бога, но что и болѣзни и страданія имъ-же низпосылаемы смертнымъ.—Въ древности это воззрѣніе выражено въ Пѣсни Іова; въ новѣйшія времена Руссо возобновилъ его, сказавъ именно: властвующіе похваляются, говоря, что каждая власть отъ Бога, но вѣдь и лихорадки такъ-же отъ него.

Ближайшій выводъ отсюда: —что отъ властей, поставленныхъ хотя бы и Богомъ, но не въ облегченіе судьбы людей, а въ тягость имъ, такъ-же позволительно стараться избавиться какъ отъ чумы и саранчи.

А отсюда не мудрено дойти и до той мысли, что какъ "судьбы Божіи неисповѣдимы", то по чемъ знать кто передъ нимъ выше: бѣдный-ли, искушаемый страданіями, или могучій, искушаемый своей властію?—И вотъ является въ Іудеѣ *Сынъ человѣческій*, который ничуть не отпирается въ томъ, что онъ сынъ человѣческій, который такъ себя и называетъ, но притомъ говоритъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и *Сынъ Божій* и что даже никто ближе чѣмъ онъ не знаетъ его Отца, Бога. Зная "неисповѣдимыя" для другихъ "судьбы Божіи", Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ на предъидущій вопросъ: Предъ Богомъ Лазарь выше богача; предъ Богомъ первые будутъ послѣдніе, и послѣдніе первые. —Онъ,—глава, вождь своихъ, его обожающихъ послѣдователей,—онъ омываетъ имъ ноги, какъ слуга, и

(1) У древнихъ Римлянъ слова proprietas (собственность) и auctoritas (власть, владычество, владѣніе) были однозначительны, говоритъ Вико въ своихъ Principi di Scienza Nuova.

тѣмъ сокрушаетъ всякое чинопочитаніе(1). — Онъ, говоритъ, что скорѣе верблюдъ пройдетъ сквозь ушко иголки, чѣмъ богатый человѣкъ внидетъ въ *царство небесное* или *Божіе*(2), т. е. въ тотъ порядокъ вещей, который не есть настоящій, а имѣетъ лишь *впредь* быть установленъ Богомъ. Нынѣ-же не Богъ, а Дьяволъ — "Князь міра сего", говоритъ Христосъ. — Для водворенія царствія небеснаго людямъ, по ученію Христа, прежде всего нужно отвергнуть право частной собственности(3), оставить взысканіе долговъ(4) и раздѣлять между собою произведенія своихъ *кровныхъ* трудовъ, произведенія добываемыя въ *потѣ лица* — хлѣбъ и вино по братски(5).

Явно, что съ такимъ ученіемъ Государство не могло существовать. Либо Христово ученіе, либо Государство должно было пасть.

Христосъ этого не скрывалъ отъ своихъ приближенныхъ; онъ прямо говоритъ: Не думайте, что я пришелъ миръ принесть на землю; я не миръ, но мечъ принести пришелъ(6). Ему, разумѣется, нужно было сперва распространить свое ученіе, которое онъ называлъ "Доброю вѣстью" — и доброю именно для бѣднаго народа(7), — распространить его сперва, говорю я, между бѣднымъ народомъ, составить себѣ изъ этого народа многочисленное войско, прежде нежели вступить въ открытый бой, — въ бой вооруженною рукою — противъ Государственныхъ властей. Оттого онъ часто бывалъ въ необходимости не только лично скрываться изъ города въ городъ, изъ села въ село(8), изъ страны въ страну, бѣжать иногда даже въ степь, но онъ бывалъ принужденъ и скрывать прямой смыслъ

(1) Ср. Ев. Матѳ. гл. XX, стр. 25—27: "Іисусъ сказалъ: вы знаете, что князья народовъ *господствуютъ* надъ ними, и вельможи властвуютъ ими. Но между вами не должно быть такъ, а кто изъ васъ хочетъ быть большимъ, тотъ будь вамъ слуга".

(2) Ев. Матѳ. XIX, 16—25.

(3) Тамъ-же и X, 9, 10.

(4) Ев. Матѳ. VI, 12: "Прости (остави) намъ долги наши, какъ мы прощаемъ должникамъ нашимъ".

(5) Тайная вечерь.

(6) Ев. Матѳ. X, 34—35.

(7) Тамъ-же XI, 5.

(8) Ев. Марка I, 45; Іоанна VII, 1 и др.

своего ученія передъ лазутчиками-шпіонами (Фарисеями и Иродіанами), которыхъ правительство къ нему подсылало. — Кому не извѣстно, что правительство ("князь міра сего") Дьяволъ, сказано въ Евангеліи(1), развѣдавъ, что Христосъ соединился съ Іоанномъ Крестителемъ, который самъ имѣлъ большое число послѣдователей(2), развѣдавъ также, что Христосъ находился въ крайней нищетѣ(3), попыталось переманить его на свою сторону, прельщая, ("искушая") его предложеніемъ ему власти, т. е. высокаго, важнаго мѣста въ правленіи? — Кому не извѣстно, что Христосъ отослалъ "искусителя" къ "чорту"? Кому не извѣстно, что тѣ-же самые лазутчики-шпіоны подъѣхали однажды(4) къ нему съ запросомъ: А какъ по вашему? слѣдуетъ-ли платить подати царю? — Христосъ, "познавъ ихъ лукавство", отвѣчалъ: *Лицемѣры!* — что искушаете (шпіоните) вы меня? Покажите мнѣ монету, платимую въ подать. — Они подали ему денарій. — Чье изображеніе, чья надпись тутъ? спросилъ онъ ихъ. Кесаря. — Ну такъ отдавайте кесарю что кесарево, отвѣчалъ онъ, а Богу отдавайте лишь то, что Божіе. — И лазутчики, — говоритъ Евангелистъ, — ушли смущенные.

Но, благодаря попамъ, умышленно читающимъ скороговоркою нѣкоторыя мѣста Евангелія, многіе упускаютъ изъ виду, что Христосъ именно съ гнѣвомъ, съ негодованіемъ высказалъ знаменитое "кесарю кесарево", что онъ далъ имъ понять, чтобъ они убирались, отстали отъ него, не надоѣдали ему ихъ кесаремъ и всѣмъ, что къ кесарю относится. А между тѣмъ это вовсе не иносказательно высказано въ Евангеліи Матѳея гл. XXII, ст. 15, 16, 18, въ Евангеліи Марка гл. XII, ст. 13, 15, особенно-же явственно у Матѳея въ гл. XVII, ст. 24—27(5).

---

(1) Ев. Луки IV, 6.

(2) Ев. Матѳ. III, 5.

(3) Тамъ-же IV, 2: "И постившись 40 дней и 40 ночей напослѣдокъ взалкалъ. Тогда" и проч.

(4) Тамъ-же XXII, 15—22.

(5) "Когда-же пришли они въ Капернаумъ, то собиратели подаянія на храмъ подошли къ Петру и сказали: Учитель вашъ, не дастъ-ли двѣ драхмы? Петръ говоритъ: дастъ. И когда онъ вошелъ въ домъ, предупредилъ его Іисусъ, говоря: Какъ тебѣ кажется, Симонъ? цари земные съ кого берутъ дани или подати? съ сыновъ-ли

Христосъ наконецъ былъ казненъ какъ Государственный преступникъ, когда правительству удалось подкупить измѣнника Іуду(1).

Но со смертію Христа не прекратилось распространеніе и дѣйствіе "Доброй вѣсти".

II.

Когда вѣрная *мысль* возникаетъ въ человѣчествѣ, распинать людей на крестахъ, вѣшать ихъ, растрѣливать, ссылать на каторгу или сажать въ тюрьмы —средства недостаточныя, чтобъ остановить распространеніе мысли. Поэтому гоненія, воздвигнутыя на Христіанъ императорами, какъ они ни были свирѣпы, скорѣе способствовали къ торжеству Евангелія, чѣмъ подѣйствовали во вредъ ему. Поэтому Апостолъ Павелъ нанесъ гораздо менѣе вреда ученію Христову, когда онъ, подъ именемъ Саула, съ лютой яростью(2) преслѣдовалъ Христіанъ, чѣмъ когда онъ, ставъ Апостоломъ, началъ искажать самую мысль Христа, втѣснивъ въ нее пресловутое свое ученіе о необходимости повиновенія каждой власти(3). — Этимъ онъ сдѣлалъ Христу больше вреда, чѣмъ самъ Іуда Искаріотъ.

Господствующимъ сословіямъ удалось лишь тогда совершенно затмить первоначальный, простой, практи-

---

своихъ или съ чужихъ?—Петръ говоритъ ему: съ чужихъ.—Іисусъ сказалъ ему: И такъ сыны свободны!... *Но чтобы намъ не соблазнить ихъ*, поди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и открывъ у ней ротъ, найдешь статиръ (4 драхмы). Взявъ его, отдай имъ за меня и за себя".

(1) Къ словамъ: "Христосъ наконецъ былъ казненъ какъ Государственный преступникъ", прибавляю выраженія изъ Ев. Луки XXII, 37: "И къ злодѣямъ причтенъ", причемъ прошу взглянуть на 4-ую строку сверху, 2 стр. текста статьи.

Точно также, какъ въ прошедшемъ столѣтіи много разсуждали о вопросѣ: представляетъ-ли Гомеръ единичное лицо или слѣдуетъ подъ этимъ именемъ разумѣть совокупность рапсодовъ, воспѣвшихъ осаду Трои; такъ въ нашъ вѣкъ поставили вопросъ: Существовалъ-ли дѣйствительно Іисусъ Христосъ или слѣдуетъ отнести все что о немъ гласитъ преданіе къ судьбамъ первой христіанской общины?— Штраусъ, въ знаменитой своей книгѣ: Leben Jesu, принимаетъ первое, Бруно Бауеръ, въ Kritik der Synoptiker и Kritik Johannis, второе мнѣніе.

(2) Дѣянія Апостольскія, VII, 59; VIII, 1, 3; IX, 1.

(3) Посланія къ Римлянамъ, XIII, 1—7.

ческій смыслъ Евангелія, перетолковать его въ свою выгоду, сдѣлать изъ него оплотъ своей власти, — представить простолюдинамъ Іисуса Христа какимъ-то приторно-чувствительнымъ человѣкомъ, наговорившимъ будто бы множество непонятныхъ вещей, относящихся не столько къ этой жизни, сколько къ существованію загробному, толковавшимъ будто бы преимущественно не о водвореніи "царствія Божіяго" на землѣ, а о царствіи Божіемъ за облаками; — имъ удалось отвлечь умы отъ нравственныхъ, общежитейскихъ мыслей, содержащихся въ Евангеліи, направить вниманіе людей на разборъ вопросовъ о могущихъ быть отношеніяхъ между Богомъ Отцомъ, Богомъ Сыномъ, Богомъ Духомъ Святымъ, Богородицею, Ангелами, и т. д.,—словомъ, сдѣлать изъ христіанскаго ученія, ученіе совершенно языческое; — это окончательно удалось господствующимъ сословіямъ, когда произошелъ въ Римской имперіи тотъ огромный переворотъ, который называется въ исторіи переселеніемъ народовъ. — Христіанство пало вмѣстѣ съ древнимъ, классическимъ міромъ, въ которомъ оно возникло. — Правда, и то и другое впослѣдствіи воскресли; но сперва было возстановлено языческое, государственное воззрѣніе древнихъ; потомъ лишь стало возставать изъ мертвыхъ и Христово воззрѣніе. Можно съ Бѣлинскимъ[1] утвердительно сказать, что подлинное значеніе Евангельскаго ученія стало воскресать лишь съ конца прошедшаго столѣтія.

Римское государство не дожило до преобразованія своего въ общество Христіанское; оно распалось, сломилось подъ напоромъ на него тѣхъ племенъ, которыя были исключены изъ круга его образованности, которыхъ Римъ презиралъ, называя себя Міромъ-Градомъ (urbs et orbis). Слѣдствіемъ этого переворота совнѣ было то, что "преображеніе", "возрожденіе" человѣчества, какъ выражались Христіане, было отсрочено на десятки вѣковъ, что люди теперь—при нѣкоторыхъ различіяхъ, о которыхъ я упомяну—вообще не далѣе ушли впередъ на пути общественнаго устройства, ужив-

(1) См. письмо къ Гоголю, напечатанное въ *Полярной Звѣздѣ* за 1855 годъ, стр. 68.

чивости, согласованія или улаживанія своихъ интересовъ, чѣмъ до той точки, на которой уже были древніе непосредственно передъ эпохою переселенія народовъ, во время распространенія ученія Христова въ Римской имперіи.—Я объясняю себѣ это слѣдующимъ образомъ:

Сколько ни было лжи, лицемѣрія или—по вѣжливому выраженію Римскихъ правовѣдовъ—*фикцій* (fictiones) въ основѣ всего устройства языческаго Римскаго общества, люди въ немъ все-таки на столько было уже обжились, что они дорожили миромъ, цѣнили миролюбіе. Поэтому можно принять, что еслибъ они не были развлечены вторженіемъ Варваровъ, они бы не долго продолжали, для сохраненія права собственности, вести войну между собою ложью и хитростями, что они сложили бы съ себя оружія обмана, какъ они уже разъ, уставъ воевать между собою копьемъ и мечемъ, сложили съ себя оружія боевыя. Глубокая тоска, томившая тогда людей(1), свидѣтельствуетъ, что образъ жизни, который они дотолѣ вели, успѣлъ-было уже имъ надоѣсть. Проживъ въ осѣдлости нѣсколько вѣковъ сряду, древніе имѣли досугъ развить въ себѣ мышленіе; они были доступны голосу разсудка, истины. Этому доказательства — дошедшія до насъ (т. е. не истребленныя подъ предлогомъ ереси позднѣйшими вселенскими соборами) писанія такихъ отцовъ церкви, какъ на пр. Августинъ, Тертуліянъ.—Можно допустить, что древніе, благодаря хранившейся у нихъ въ памяти тысячелѣтней вереницѣ опытовъ, чрезъ которые прошли ихъ предки, были въ состояніи разсудить, что—Если люди желаютъ жить въ безопасности другъ отъ друга и обезпечить себя сколь возможно противъ случайностей внѣшняго человѣку міра, то этого нельзя имъ достигнуть, держась системы частной собственности, т. е. частныхъ *запасовъ* (épargnes) (откладываемыхъ въ сторону, скрытыхъ или сокрытыхъ сокровищъ), а только развѣ введеніемъ гласной системы круговой поруки (solidarité) между людьми, только *равнымъ* участіемъ всѣхъ и каждаго въ общемъ страховомъ обществѣ.

---

(1) См. Les Césars etc. par le F. de Champagny, Paris, 1853, t. 2me, pag. 397—8.

— Страховомъ отъ чего? — перебиваетъ меня читатель.

— И Боже мой! — какъ отъ огня, такъ и отъ града, какъ отъ наводненій, такъ и отъ неурожаевъ, какъ отъ бѣшенныхъ собакъ, такъ и отъ бѣшенныхъ людей, въ родѣ Нероновъ; словомъ, отъ всего грозящаго опасностью, и слѣдовательно отъ Зондербундовъ, т. е. обществъ людей вооружающихся и держащихъ въ *тайнѣ* цѣль, съ которой они вооружаются, — отъ Правительствъ, отъ Государствъ..... Продолжаю:

Можно допустить, мнѣ кажется, что древній міръ былъ близокъ къ тому, чтобъ извлечь изъ долголѣтней своей опытности въ дѣлѣ общежитія подтвержденіе мысли, указанной Христомъ, что: Каждому изъ насъ присущій, непреодолимый инстинктъ самосохраненія (упроченія, утвержденія своего существованія, или "спасенія себя", уцѣлѣнія)—мы не удовлетворимъ ни крѣпкими замками на нашихъ "житницахъ", ни булатнымъ мечемъ стража, котораго мы приставляемъ къ охраненію замковъ житницъ и того, что въ житницахъ. Снутри — житницы подвержены "червямъ и ржѣ"(1); снаружи — сторожъ съ мечемъ можетъ погибнуть отъ меча-же(2) (въ вольномъ переводѣ: "палка о двухъ концахъ"). — Не привязываясь къ вещамъ, а лишь вступая въ честный, дружескій, обоюдно-выгодный союзъ съ себѣ подобными, можетъ человѣкъ стать — изъ случайности, подверженной всякимъ непредвидимымъ, неотвратимымъ имъ однимъ, ненастьямъ судьбы — нѣчто упроченное, застрахованное. На аксіомѣ, что значительное число случайностей, имѣвшихъ взятыхъ, выходятъ изъ подъ зависимости слѣпаго, непредвидимаго Случая (Hazard) и становятся подъ постоянные, легко-исчислимые Законы Природы, — на этой аксіомѣ основаны всѣ нынѣшнія частныя общества застрахованія(3). Личные труды земледѣльца Н. Н. могутъ въ извѣстный годъ остаться втунѣ, но если онъ заключитъ договоръ съ милліонами другихъ

(1) Ев. Матѳ. VI, 20.

(2) Тамъ-же XXVI, 52.

(3) И не только страховыя общества, отсюда само нынѣшнее право частной собственности заимствуетъ всю прелесть, которую оно имѣетъ для людей. Прелесть эта состоитъ въ чувствѣ обезпеченности

и въ этомъ договорѣ выговорилъ: Если меня-де, Н. Н., постигнетъ такая-то бѣда и я не соберу съ обрабатываемаго мною поля нужнаго мнѣ количества хлѣба (именно: столько-то), то такіе-то (имярекъ) обязуются снабдить меня по мѣрѣ силъ своихъ, съ тѣмъ, что я, съ моей стороны, обязуюсь, дѣлать то-же въ такомъ-же случаѣ противъ каждаго изъ нихъ; — если Н. Н. заключилъ такой союзъ (который ничто иное какъ переложеніе заповѣди: Люби ближнаго яко самого

на счетъ насущнаго хлѣба. А почему собственникъ обезпеченъ въ этомъ отношеніи? Потому, что онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи, подъ рукою (скипетромъ), кромѣ своихъ собственныхъ рабочихъ силъ, рабочія силы еще нѣсколькихъ людей. Чѣмъ больше число тѣхъ, жизненными силами которыхъ богачъ въ силахъ помыкать, рисковать, — которые должны прежде изнуриться, обанкрутиться, пока онъ ощутитъ недоимку, тѣмъ болѣе его положеніе обезпечено. Разница между помѣщикомъ и обладателемъ движимыхъ капиталовъ состоитъ въ томъ, что первому трудно не знать кого онъ изнуряетъ, чтобъ жить въ безпечности; второй-же можетъ не знать, кто именно выращаетъ проценты, составляющіе его доходъ. Оттого у капиталистовъ совѣсть гораздо спокойнѣе чѣмъ у поземельныхъ владѣльцевъ: "они не знаютъ что творятъ"; вѣдь можетъ-быть ихъ цѣлковики лежа у банкира, сами рожаютъ гривенники, изъ которыхъ составляется ихъ годовой доходъ!

Этимъ-то и дурно нынѣшнее общественное устройство, что существованіе *одного* человѣка можетъ быть обезпечено тогда лишь, когда онъ въ состояніи рисковать жизнью *нѣсколькихъ* людей. — И какъ этакая прелестная безпечность достигается? — Просто тѣмъ, что собственникъ наляжетъ, сотворитъ налогъ, на свой капиталъ, на орудіе производства, какъ въ баснѣ Крылова собака на кипу сѣна, сама не ѣстъ, не потребляетъ его, но и другимъ не даетъ, иначе какъ подъ условіемъ: "да поклонишься и послужишь мнѣ". Но развѣ въ самомъ-то дѣлѣ положеніе сторожа многимъ чѣмъ завиднѣе положенія затворника? Собака, лежащая на сѣнѣ, не смѣетъ отлучиться отъ него, также какъ волъ не въ силахъ оторваться отъ него, когда у вола нѣтъ въ виду иной пищи. И такъ люди привязаны къ вещамъ, не вещи подчинены людямъ, и древній стихъ Горація:

Mihi res, non me rebus
Committere cœnor—

остается pium desiderium.

Ни узникомъ, ни тюремнымъ сторожемъ не хотѣлъ бы я быть; а желалъ бы жить въ такомъ обществѣ, въ которомъ мнѣ не нужно было бы не только ничего запирать подъ замокъ, но и ничего носить при себѣ въ карманахъ, имѣя увѣренность, что коль скоро мнѣ захочется имѣть что-либо для моего собственнаго потребленія, мнѣ только стоитъ приняться за работу и что я найду ее себѣ, если примусь искать; — я желалъ бы жить въ обществѣ, гдѣ бы могъ сказать беззаботно: omnia mea mecum porto.

себя; дѣлай другимъ что ты хотѣлъ бы, чтобъ они дѣлали тебѣ), то не вѣроятно, чтобъ Н. Н. не превозмогъ постигшей его невзгоды. Невзгоды никогда не бываютъ повсюдны, всегда предвидимы въ *большихъ размѣрахъ*. А впрочемъ, еслибъ и случилось всеобщее несчастіе... э! такъ—"на людяхъ и смерть красна"; горекъ . . . . . "горекъ жребій одиночества среди людей"...

Разумѣется, что съ подобными договорами право частной собственности не совмѣстимо. На что копимъ мы, откладываемъ мы въ сторону, если не на "черный день", какъ говорится?—т. е., если не на то, чтобъ въ "черный день" не имѣть нужды прибѣгать къ пособію ближняго?—Мы дѣлаемъ запасы не для того, чтобъ быть въ союзѣ, чтобъ общиться съ людми, а, напротивъ того, чтобъ быть независимыми отъ ихъ пособій. Но достигаемъ-ли мы навѣрное этимъ путемъ нашей цѣли?... Не говоря теперь уже ни о червякъ, ни о ржѣ, ни о татяхъ, какой запасъ неистощимъ, если наступитъ рядъ голодныхъ годовъ? какой не лишенъ, не сгніетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ изобилія?....

—"Да мы въ года плодородные будемъ прошлогоднюю рожь въ запасныхъ нашихъ магазинахъ свѣжею замѣнять!"

—Въ такомъ случаѣ вы полагаетесь на трудъ, на текучую производительность, на непрерывное продолженіе работъ, а не на самый готовый запасъ сложенныхъ въ житницы произведеній. Но полноте, скопидомы! Извѣстно, какимъ образомъ вы помышляете сдѣлать запасецъ вашъ неистощимымъ на вѣки вѣчные. Не въ годину общаго благоденствія намѣреваетесь вы его подновить. Нѣтъ, вы ликуете, когда вамъ снятся семь *тощихъ* коровъ Фараона. Запасаясь, вы дѣйствительно расчитывали на "черный день", но только на черный для ближнихъ вашихъ, и тѣмъ самымъ свѣтлый для васъ. Не собственную вашу нужду-бѣду имѣли вы въ виду, дѣлая запасъ, а нужду-бѣду ближняго вашего. Ею-то считаете вы воспользоваться, и благодаря ей хотите вы—не только стать сами *независимыми* отъ вашего сосѣда, но еще сдѣлать его *зависимымъ* отъ васъ. Вотъ что собственно у васъ на

умѣ, а рѣчи ваши объ обезпеченіи личной вашей независимости—только предлогъ.

И вы подлинно думаете, что взимая проценты съ *нуждающихся* за то, что вы ссужаете ихъ тѣмъ, что для васъ *лишнее*, тѣмъ что вы сами потребить не въ силахъ — вамъ удастся — и самимъ, и дѣтямъ вашимъ, и внучатамъ, и правнукамъ — проживать свой вѣкъ въ лѣни и изобиліи?... Можетъ быть на вашъ вѣкъ и хватитъ этой продѣлки; можетъ-быть она вамъ удастся и еще нѣсколько поколѣній сряду. Но вѣчно, и на вѣрное — это удаваться не можетъ.

Вѣдь для того, чтобъ богатые могли безпрерывно жить процентами, или доходами съ своей собственности, пускаемой въ ростъ (не хранимой уже въ частныхъ житницахъ!), надобно, чтобъ должники никогда не выходили изъ долговъ. Бѣда богатымъ, если должники разбогатѣютъ и возвратятъ имъ вмѣстѣ съ процентами и капиталы ихъ, не нуждаясь въ нихъ болѣе. Что богачи тогда будутъ дѣлать съ своими капиталами? Что будутъ они съ ними дѣлать, скажите мнѣ, если они не будутъ болѣе *нигдѣ* находить людей *нуждающихся* въ *ихъ* капиталѣ? — Но имъ равно бѣда и въ томъ случаѣ, если должники обѣднѣютъ, раззорятся до того, что у нихъ нечѣмъ будетъ платить проценты, что у нихъ не будетъ силъ вырабатывать проценты. Вѣдь "на нѣтъ и суда нѣтъ".

И такъ, что-же богатымъ остается дѣлать?

Блюсти за тѣмъ, чтобъ должники держались "середка-наполовинѣ", ни слишкомъ богатѣли, ни черезъ чуръ бѣднѣли.

Это-то и ставятъ себѣ втайнѣ задачею Государственные мужи, какъ видно изъ ихъ дѣйствій, мѣръ, какъ между-прочимъ мы узнали и изъ обмолвки покойнаго министра Канкрина, смѣявшагося надъ тѣми, которые серьозно ожидаютъ, что Правительства будутъ не на-шутку заботиться о разбогащеніи народовъ; —(разбогатѣютъ, говорилъ онъ, вѣдь отъ рукъ отобьются!)(1) и отъ министра Гизо, сказавшаго знаменитое "le travail est un frein" (работа узда народу).

(1) Заимствовано изъ сочиненія: Russland und die Gegenwart, изданнаго въ 2-хъ томахъ (если не ошибаюсь) въ Лейпцигѣ въ 1851 году и приписываемаго г. Буддеусу.

Но исторія свидѣтельствуетъ, что когда разъ собственность выходитъ изъ состоянія *недвижимости въ движимость*, — когда она разъ пущена *въ оборотъ* (circulation), словомъ, когда она (proprietas) перестала однажды быть простою барщиною, господствомъ (auctoritas) т. е. прямымъ, непосредственнымъ приневоливаніемъ раба работать на господина, и стала косвеннымъ, либеральнымъ принужденіемъ работника работать на господина изъ-за отдаваемой послѣднимъ первому земли въ оброкъ, либо принужденіемъ слуги работать на хозяина изъ-за наемной платы, либо принужденіемъ должника работать на заимодавца въ зачетъ долга; тогда никакая правительственная сила не въ состояніи остановить собственность на полъ-пути описываемаго ею оборота. Этотъ оборотъ или круговоротъ, состоитъ въ томъ, что движимая собственность, разъ занявъ мѣсто возлѣ недвижимой, постепенно поглощаетъ послѣднюю; затѣмъ, движимые капиталы вступаютъ въ соперничество (concurrence) между собою, при чемъ большіе подрываютъ меньшіе. Эти, какъ говорятъ, обанкручиваются. — Тогда тщетно Солоны въ Аѳинахъ, Ликурги въ Спартѣ, Нееміи въ Іудеѣ(1), стараются положить предѣлъ постепенному поглощенію среднихъ состояній громадными, объявляя государственнымъ закономъ, что, не въ примѣръ будущимъ временамъ, займы, сдѣланные до извѣстнаго дня могутъ быть не уплачиваемы; тщетно еще заранѣе Моисей установляетъ черезъ каждые 49 лѣтъ юбилейный годъ, въ который каждому должнику должна быть возвращаема земля, отданная имъ подъ залогъ (2), Какъ ни Солонъ, ни Ликургъ, ни Моисей, ни Неемія не искореняютъ права собственности, а лишь подстригаютъ отростки этого древа распри и лжи, то оно вскорѣ вмѣсто отрѣзанныхъ отпрысковъ пускаетъ новые, — собственность воспринимаетъ свой, лишь на время задержанный, оборотъ. Онъ достигаетъ наконецъ своего предѣла, когда съ одной стороны остается весьма маленькое число несмѣтно богатыхъ капиталистовъ, съ другой въ нищенскомъ положеніи почти цѣлыя народонаселенія странъ находящихся между

(1) Кн. Неемін, глава V.
(2) Кн. Левитъ, XXV; — замѣтьте особенно ст. 23.

собою въ торговыхъ сношеніяхъ. Тогда массы уже такъ обѣднѣли, что онѣ не только не представляютъ надёжныхъ заемщиковъ, но даже не имѣютъ на что покупать товары, торговля которыми въ рукахъ капиталистовъ. Посему и торговля, и ссуда, и наемъ, всѣ сдѣлки, посредственно вытекающія изъ права собственности, должны прекратиться; собственность должна остановиться въ своемъ движеніи, т. е. стать — чѣмъ она была первоначально — недвижимою; (или — уничтожиться, быть снятою чѣмъ либо ей высшимъ); земля вся тогда принадлежитъ большимъ капиталистамъ; не-капиталисты, имѣя предлагать имъ лишь свои руки, становятся подёнщиками, рабами бароновъ новаго рода — бароновъ уже не отъ копья, а отъ копѣйки. — Въ Римѣ въ послѣднія времена оставалось такимъ образомъ послѣ исчезновенія всѣхъ Плебейскихъ родовъ на все народонаселеніе лишь двѣ тысячи собственниковъ(1).

И такъ, подумай ты, господинъ средней руки, который нынѣ выступаешь яростнѣйшимъ поборникомъ "священнаго" права собственности, — что предстоитъ, если не тебѣ самому, то твоимъ потомкамъ, которыхъ вѣдь ты, выдающійся себя и за защитника Семьи, долженъ-же любить? — Одно изъ двухъ: либо стать, поневолѣ, въ ряду многочисленнаго класса ничего не имѣющихъ, кромѣ рукъ своихъ; либо вылетѣть въ постепенно уменьшающееся число несмѣтно-богатыхъ. Явно, что въ лотереѣ, въ которую ты играешь, гораздо болѣе вѣроятностей, что тебѣ или твоимъ выпадетъ одинъ изъ многочисленныхъ жеребьевъ, чѣмъ что вамъ достанется одинъ изъ рѣдкостныхъ. — Разсчётливый семьянинъ! зачѣмъ-же играть въ азартную игру? зачѣмъ не хочешь ты обезпечить и себѣ и дѣтямъ твоимъ вѣрный "хлѣбъ насущный" на каждый Божій день, вмѣсто изобилія въ настоящее мгновеніе съ предстоящей возможностію завтра-же быть въ нищетѣ? — Средство обезпеченія себѣ хлѣба насущнаго указано въ Евангеліи. Прямой смыслъ его, послѣ того, что онъ былъ утраченъ на долгое время, нынѣ, какъ

(1) Заимствовано изъ удивительной брошюры: Le Bilan de la France ou la Misère et le Travaill, par Perreymond, Paris, librairie phalanstérienne, 1849, (pag. 43).

я уже сказалъ, снова найденъ, и именно людьми, какъ Сен-Симонъ, Фурье, Кабэ, Прудонъ. — Если читаешь ихъ писанія, не держась мертвой буквы, а вникая въ духъ, нельзя не увидѣть, что дѣйствительно мы теперь разработываемъ то самое ученіе, которое древніе начинали усматривать по указанію Христа. Мы только иначе теперь выражаемся; говоримъ съ Фурье, что цивилизаціи предстоитъ преобразиться въ Обезпеченность (Garantisme), съ Прудономъ : перейти въ періодъ Взаимнаго Даровaго Заимодательства (du Crédit mutuel gratuit), съ Эмиль Жирарденомъ : во Взаимное Страхованіе (Assurance mutuelle); но въ основѣ все то-же самое направленіе. — И теперь люди не только въ развитіи умозрѣній снова пришли на ту точку, на которой находился древній міръ въ первые вѣка Христіанскіе; но и въ практической жизни Европы теперь повторяется то, что́ происходило тогда въ Римской имперіи : — Іюньскіе дни 1848 года въ Парижѣ соотвѣтствуютъ соціальнымъ войнамъ въ древней Италіи.

. . . Но ты, господинъ средней руки, пожимаешь плечами и отворачиваешься отъ меня — не потому, чтобъ ты думалъ, что я неправду говорю, а . . . . . сказать-ли тебѣ откровенно почему? — Потому-что ты про себя думаешь, чего громко сказать не смѣешь, что тебѣ мало дѣла до участи, ожидающей твоихъ внуковъ. "Стало бы лишь на мой вѣкъ моего трудомъ скопленнаго, еще съ большимъ трудомъ сохраненнаго, капитала и нынѣ существующаго, защищаемаго мною, выгоднаго для меня, общественнаго устойства!" — говоришь ты про себя. — Да, я знаю, что ты гораздо болѣе на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, любишь семью. Любовь къ семейству, о которой ты столько толкуешь, служитъ тебѣ лишь предлогомъ, подъ которымъ ты скрываешь твою любовь къ холенію самого себя въ лѣни. — И древніе были себялюбивы, Сибариты. — Но вотъ въ чемъ разница между тобою и тѣми древними, вотъ почему древніе доселѣ внушаютъ, даже тебѣ самому, невольное уваженіе къ нимъ, между-тѣмъ какъ ты вѣдь не уважителенъ даже въ собственныхъ твоихъ глазахъ : — Они, при всемъ своемъ себялюбіи, быть-можетъ именно по причинѣ

разумнаго своего себялюбія, устроивались какъ будто бы они думали жить вѣчно. Взгляни на развалины ихъ зданій, которыя еще ни зубъ времени, ни сѣкира варваровъ не успѣли истребить; въѣзжай въ Римъ изъ Чивита-Веккіи по дорогѣ Аппія, взгляни на самый Римъ, и я увѣренъ, что, будь ты хоть мелочный лавочникъ, хоть гусарскій офицеръ, ты поймешь, что Римляне не всуе называли свою столицу "вѣчнымъ городомъ". — А знаешь ли ты, что въ томъ-то и состоитъ разница какъ между звѣремъ и человѣкомъ, такъ и между ребенкомъ и взрослымъ, между дикимъ человѣкомъ и образованнымъ, что первые, т. е. звѣрь, дитя, дикарь — при всякомъ дѣлѣ говорятъ себѣ: Было бы мнѣ сегодня привольно, а тамъ по мнѣ хоть трава не расти! Между-тѣмъ какъ вторые — люди, взрослые, образованные — находятъ такой образъ мыслей недостойнымъ человѣка. — Знаешь-ли ты, что съ человѣкомъ, который заботится только о настоящей ему минутѣ, не обращая вниманія на послѣдующее время, невозможно ужиться? что на него ни въ чемъ нельзя полагаться? что слѣдовательно съ нимъ нельзя заключать союзъ, вступать въ общество? — Онъ какъ разъ пожертвуетъ всѣмъ минутному соблазну. — А нравственно именно — то, что споспѣшествуетъ къ общежитію, говоритъ Прудонъ, какъ безнравственно — то, что не совмѣстимо съ стремленіемъ людей къ общительности. Нравственно, говоритъ съ своей стороны Л. Фейербахъ, то, что полезно *роду* (Gattung) человѣческому; т. е. не только нынѣ живущему числу людей, но и грядущимъ поколѣніямъ. Поэтому я осмѣливаюсь поставить слѣдующій афоризмъ; Скажите мнѣ о человѣкѣ какъ велико пространство времени, которое онъ имѣетъ въ виду при общемъ соображеніи своего поведенія, и вы тѣмъ самымъ дадите мнѣ мѣрило его нравственности, укажите мнѣ степень уваженія, на которое этотъ человѣкъ имѣетъ право со стороны своихъ ближнихъ и потомковъ.

Вотъ Варвары-то, которые вторгнулись въ Римскую имперію, именно потому и находились на низшей ступени нравственнаго развитія, чѣмъ древніе, что въ нихъ не было нисколько желанія упрочить свою судьбу (что совпадаетъ съ миролюбіемъ). Эти варвары были

истинно дикари (1). Они предавались невоздержно мгновеннымъ своимъ влеченіямъ; нападали-ли они на готовые припасы, они ѣли и упивались до пресыщенія; отъ пресыщенія они впадали въ ярость, свирѣпѣли, и потому жгли, истребляли все чего они не могли проглотить. Многимъ годамъ надобно было протечь, пока Вандалы пресытились убійствомъ и грабежемъ, пока въ нихъ пробудилось чувство бережливости, и они, движимые имъ, въ свою очередь напали на мысль, уже изношенную древнимъ міромъ, что для побѣдителя выгоднѣе не разомъ убивать побѣжденнаго, не вдругъ все у него отнимать, а — исподволь, — установленіемъ "священнаго" права частной собственности; — на мысль, будтобы бережливость значитъ исключительность, скупость, скряжничество.

Оттого-то съ нашествія Варваровъ человѣчество начало съ-изнова проходить школу общежитія, пройденную-было уже въ мірѣ классическомъ.

III.

Западная Европа вышла изъ періода застоя и несется теперь съ возрастающею быстротою... Но куда, къ чему? — Къ тому-ли, чтобъ, въ свою очередь, развивъ до крайнихъ послѣдствій принципъ частной собственности, придти въ состояніе неподвижности и быть вытѣсненной изъ него натискомъ чуждыхъ племенъ, такъ какъ Римская имперія была сдвинута съ мѣста нашествіемъ Германскихъ? — Или, въ этотъ разъ, образованнѣйшая часть человѣчества предупредитъ толчекъ на нее со внѣ, почерпнетъ въ самой-себѣ достаточныя силы, чтобъ выйдти изъ битой колеи собственности на другой широкій путь и увлечетъ на него за собою все остальное человѣчество?

Для уясненія себѣ этого вопроса бросимъ взглядъ на развитіе западныхъ обществъ со времени паденія Рима.

Прежде всего замѣчу, что говоря о *застоѣ*, происшедшемъ въ развитіи человѣчества, я употребилъ это

(1) См. въ Guizot, Cours d'histoire de la civilisation en France, построчное сравненіе описанія нравовъ древнихъ Германцевъ Тацита съ описаніемъ нравовъ американскихъ дикарей.

выраженіе только по тому праву, по которому въ математической географіи утверждаютъ, что солнце останавливается, когда оно вступаетъ въ Поворотные круги(1). — Собственно говоря, застоя не было.

Все время съ V-го вѣка, въ которомъ совершилось паденіе Рима, до VIII, Варвары-пришельцы употребили на то, чтобъ придти въ осѣдлость, установить свое покореніе, собственность поземельную. — Эта собственность *тронулась*, когда завоеватели принялись переводить своихъ рабовъ съ барщины на оброкъ, превращать ихъ въ крѣпостныхъ людей; — что, по

(1) Развитіе человѣчества похоже на обращеніе солнца вокругъ земли: Какъ солнце никогда не переступаетъ за Поворотные круги, такъ и человѣчество не идетъ дальше извѣстныхъ предѣловъ нравственной высоты. Приведите къ одному знаменателю достоинство отборнѣйшихъ людей — представителей человѣчества, являвшихся въ разныхъ періодахъ исторіи, и вы найдете, что они равны между собою, что въ ихъ лицахъ человѣчество каждый разъ достигало одной и той-же высоты.

Но вотъ въ чемъ разница между обращеніемъ солнца и развитіемъ нашего рода: — Солнце обращается все въ однихъ и тѣхъ-же предѣлахъ, не только по одному измѣренію, отъ сѣвернаго тропика къ южному, оно и по другому измѣренію, въ ширину, отъ Овна къ Вѣсамъ, описываетъ постоянно одну и ту-же линію, Эклиптику. Въ человѣчествѣ-же, хотя и не развиваются въ позднѣйшія времена личности высшія чѣмъ являвшіяся въ предшествовавшіе вѣка, но *количество* личностей, достигающихъ извѣстнаго уровня нравственнаго развитія, увеличивается съ періода на періодъ. Так. обр. линія развитія человѣчества имѣетъ видъ эллипсиса, только не сомкнутаго, а постепенно расширающагося въ кругъ (спирали). — Глядя на эту линію съ односторонней точки зрѣнія, упуская изъ виду расширеніе человѣчества, повѣришь, что движеніе человѣчества въ самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ метаніе со стороны въ сторону, приливъ и отливъ, corsi e ricorsi.

Чѣмъ эллипсисъ уже, тѣмъ повороты въ немъ круче, тѣмъ они болѣе перевороты, переломы въ движеніи, тѣмъ больше разъ человѣчество должно начинать снова свой переметный путь отъ одного поворотнаго круга къ другому.

Лишь когда эллипсисъ превратится въ кругъ, движеніе человѣчества пойдетъ плавно, мирно.

Перейти изъ движенія эллиптическаго въ круговое, зависитъ отъ передоваго отряда человѣчества, каждый разъ, когда онъ достигаетъ высшей точки своего развитія, точки поворота. Будетъ этотъ авангардъ замыкаться, стараться исключить изъ себя остальныхъ людей, онъ снова круто повернетъ, снова будетъ сжатъ по бокамъ тѣми, которыхъ онъ отринулъ отъ себя, и слѣдовательно снова опишетъ эллипсондъ. Но разомкнись онъ, простри онъ свои объятія всему роду, и крутымъ переломамъ въ движеніи человѣчества конецъ.

мнѣнію Комта (1), произошло во Франціи (исторію которой съ паденія Римской имперіи можно принять за мѣрило *общественнаго* развитія всей остальной Европы) въ половинѣ VIII столѣтія.

Въ XI оброчныя общины начинаютъ откупаться на волю. Гдѣ помѣщикъ строптивъ, тамъ онѣ берутъ съ боя, чего имъ не хотѣли уступить за деньги.

Въ XII и XIII столѣтіяхъ — крестовые походы. — Землевладѣльцы покидаютъ свои вотчины, отправляясь къ Святымъ Мѣстамъ. — И слава Богу! бѣдные люди вздохнутъ по-вольнѣе, когда они поудалятся отъ нихъ. Да и не мѣшаетъ господамъ помѣщикамъ пристраститься къ бродячей жизни; это повлечетъ за собою "странствующее рыцарство", которое будетъ имѣть послѣдними своими представителями Дон-Хуановъ, да Дон-Кихотовъ, — господъ съ которыми народу, безспорно, легче будетъ справиться, чѣмъ съ ихъ предками, людьми закалки Карловъ Мартелей и Роландовъ. — Вкусивъ роскоши на Востокѣ, господа захотятъ завести ее и дома у себя, вызовутъ поэтому къ существованію торговлю и мануфактурную промышленность, которыя обогатятъ не ихъ, а мѣщанъ. Они-же постепенно не только смягчатся въ нравахъ, но распустятся, ослабнутъ, раззорятся... Благо уже теперь, во времена крестовыхъ походовъ, они входятъ въ долги (2); — на дальній путь, для житья на чужбинѣ имъ нужно имѣть деньги, а пока они не трогались съ своихъ пепелищъ, они могли продовольствоваться домашними издѣліями своихъ дворовыхъ и крестьянъ и жить каждый про себя, особникомъ. Теперь-же они вовлечены въ омутъ общественной жизни. Разъ взошедши въ долги, имъ изъ нихъ не выпутаться; — не даромъ проценты называются Ростомъ. — Имъ, *господамъ*, имущество досталось по наслѣдству, безъ труда; оттого и нѣтъ въ нихъ той ретивости сохранить его, съ которою *хозяинъ*-пріобрѣтатель, мѣщанинъ, гонится

(1) Auguste Comte авторъ системы Положительной философіи и глава de la société positiviste, которой сочиненія издаваемы въ Парижѣ à la librairie scientifique-industrielle de L. Mathias, 45, quai Malaquais.

(2) Ричардъ Львиное Сердце заложилъ свои регаліи, чтобъ достать денегъ на крестовый походъ.

за нимъ. — Напрасно стараются они государственными законами поставить преграды выходу *родовыхъ* своихъ имѣній изъ ихъ родовъ; имѣнія перейдутъ въ руки тѣхъ, которые назовутъ ихъ своею *благо*-пріобрѣтенною собственностью, какъ будто желая тѣмъ выразить, что, по ихъ мнѣнію, родовая собственность есть дурно пріобрѣтенная.

Ни Конетабль Дюгесклин', бравшій приступомъ замки мятежныхъ дворянъ; ни кардиналъ Ришельё, казнившій Монморанси, "перваго барона Христіанства", не нанесли дворянству — представителю недвижимой собственности — удара столь сильнаго, какъ Лудовикъ XIV и его министръ Кольберъ. — Король выманилъ дворянъ на жительство при его пышномъ дворѣ, превратилъ ихъ изъ независимыхъ бояръ въ царедворцевъ и направилъ ихъ тщеславіе на расточительность. Кольберъ заводитъ фабрики, и именно фабрики для издѣлій роскоши([1]). Онъ полагаетъ, что торговля и мануфактуры главные источники народнаго богатства, а между-тѣмъ и нравы и законы воспрещаютъ дворянамъ заниматься этими отраслями промышленности. — Это ловко со стороны короля.

— Но откуда король, откуда его власть? — Развѣ онъ самъ не изъ дворянскаго рода? — Зачѣмъ-же подрываетъ онъ крѣпость своего собственнаго сословія?

— Да, сначала король былъ только первый между равными ему дворянами (primus inter pares), и не раньше чѣмъ въ XV столѣтіи сталъ онъ (Лудовикъ XI) называться *его величество*. — Онъ возвысился надъ своими ровнями, потому-что при системѣ частной собственности общество непреодолимо стремится построиться въ видѣ пирамиды, большое богатство постоянно удручая меньшее; король представляетъ вершину общественной пирамиды. — Безспорно, что онъ подтачиваетъ свое ближайшее основаніе, дѣйствуя противъ (дворянства) того сословія, на которое его престолъ опирается непосредственно. Но властолюбіе не разсчетливо, какъ всѣ страсти. — Лишь Лудовикъ XVI замѣтилъ, что преемственная политика его дома:

([1]) См. рядъ статей въ Patrie, Января 1853 г. Lorambert'a подъ заглавіемъ: L'industrie française.

подзадоривать мѣщанъ, т. е. движимую собственность, противъ дворянъ, т. е. недвижимой собственности, нагубна для королевства. Но онъ замѣтилъ это слишкомъ поздно, и тайное сближеніе его съ дворянами противъ средняго сословія, имъ-же самимъ вызваннаго къ государственному управленію, останется безуспѣшно. Дворяне частью бѣгутъ за границу, частью казнимы; король раздѣляетъ участь послѣднихъ. Земли дворянства и высшаго духовенства (составлявшихъ на самомъ дѣлѣ одно и то-же племя) объявляются государственнымъ имуществомъ и переходятъ посредствомъ *купли* (заступающей теперь мѣсто *завоеванія*) въ руки зажиточныхъ мѣщанъ(1).

Въ этомъ состояла революція 1789 года. — Она была ничто иное, какъ послѣдній актъ борьбы движимой собственности противъ недвижимой.

Въ продолженіи революціи много звучныхъ словъ было высказано о правахъ человѣка, о равенствѣ, свободѣ, братствѣ; большая часть рѣчей была составляема по программѣ заранѣе написанной Жан-Жакомъ Руссо. Но когда Бабёфъ предложилъ выполнить эту программу до того мѣста Книги Общественнаго Договора, въ которомъ говорится о правомѣрности собственности вообще, тогда республиканцы казнили Бабёфа.

— Съ этихъ поръ управляющіе ходомъ революціи менѣе и менѣе поминаютъ Руссо, все берутъ себѣ въ образцы болѣе героевъ Римской исторіи изъ періода борьбы Плебеевъ противъ Патриціевъ. Это логически; для этихъ героевъ право собственности было священнѣйшимъ постановленіемъ.

Но мало по малу всякія рѣчи умолкаютъ, и торжествующая движимая собственность, чтобъ удержать за собою власть, такъ же слагается изъ республиканскаго параллелепипеда въ пирамиду, какъ то прежде сдѣлала недвижимая собственность. Вершина прошлой называлась феодальнымъ именемъ "Король"; вершина

(1) "Продажей государственныхъ имуществъ (biens nationaux) въ 1789 году 30,000 большихъ помѣстьевъ, принадлежавшихъ духовенству, дворянству, коронѣ и общинамъ были раздроблены между 1,220,000 собственниковъ". (См. La Presse du 22 janv. 1852. Du morcellement de la rente, par Paradise).

государства, основаннаго на движимой собственности, именуется на Римскій ладъ "Императоромъ". Верховный представитель родоваго имущества, Королъ, царствуетъ по праву своего рожденія; глава благопріобрѣтателей, Императоръ, пріобрѣтаетъ себѣ престолъ избраніемъ.

Такъ самые титулы, носимые нынѣ Князьями міра сего, указываютъ, что періодъ развитія общественности, въ которомъ мы теперь находимся, соотвѣтствуетъ въ древнемъ мірѣ періоду Кесарей, появленія Евангелія и Варваровъ съ сѣверо-востока.

Благопріобрѣтенная собственность въ противоположность родовой выдаетъ себя за миролюбивую; говоритъ, что миръ — ея жизненное начало. На дѣлѣ оказывается, что и она не можетъ не захватывать все вокругъ себя, не воевать. Разница только въ томъ, что недвижимая гонится за источниками недвижимостей, землями, между-тѣмъ какъ движимая стремится завоевать свои источники — торговлю, пути и мѣста сбыта товарамъ. — Такъ цѣлью войнъ императора Наполеона I не было отнять у другихъ помѣстья и поселить на нихъ своихъ солдатовъ, какъ это сдѣлалъ на-пр. въ 1066 г. Вильгельмъ Завоеватель въ Англіи; Наполеонъ имѣлъ въ виду только заключеніе выгодныхъ торговыхъ трактатовъ.

За то, говорятъ Кандиды нашего вѣка, отъ Наполеона I до Наполеона III прошли сорокъ лѣтъ мирно. — Правда, гоньба за выгодными путями сбыта товаровъ шла въ этотъ періодъ безъ пушеннаго грома въ Европѣ; между Государствами было перемиріе, которое впрочемъ не разъ грозило рушиться. — То былъ вооруженный миръ, въ продолженіе котораго число постоянныхъ войскъ и крѣпостей было не уменьшаемо, а увеличиваемо.

Главною причиною этому не было со стороны правительствъ опасеніе Россіи, какъ говоритъ Э. Жирарденъ (1). Съ Россіей съ 1815 года прочія правительства не думали воевать; они, напротивъ того, готовы

(1) См. первыя страницы его книги La Politique universelle: De toutes les puissances de l'ancien continent, une seule depuis la chûte de l'empereur Napoléon, une seule empêche la paix de s'affermir et de se transformer en regime definitif, au lieu de n'être

были ее призывать, и въ самомъ-дѣлѣ призывали, себѣ на помощь.—Войско было содержимо преимущественно какъ онлотъ полиціи; укрѣпленія строились противъ работниковъ въ Парижѣ и Ліонѣ.

Это значитъ, что среднее сословіе, побѣдивъ высшее, повернуло теперь свои штыки противъ низшаго сословія.

Кромѣ штыковъ и картечи у него нечѣмъ отвѣчать на требованія голодающаго народа. Оно находится въ положеніи человѣка, который наговорилъ вамъ множество прекрасныхъ обѣщаній и который, когда вы требуете отъ него, чтобъ онъ сдержалъ слово, отвѣчаетъ вамъ: А не угодно-ли пройдтись со мной на пистоляхъ!—Не только въ продолженіе революціи 1789 г., но и въ періодъ между двумя Наполеонами среднее сословіе надавало на себя пропасть векселей народу. Надсмѣхаясь надъ побѣжденною имъ родовою властью, оно разглашало мысли, подрывающія въ народѣ всякое уваженіе къ власти вообще, слѣдовательно и къ власти самого средняго сословія. Образчикомъ такихъ мыслей служитъ заимствованный мною эпиграфъ у г. Гизо.—Замѣтимъ, что онѣ разглашались не такъ, какъ разносились ученія въ старинныя времена, а посредствомъ типографскихъ станковъ и усовершенствованныхъ путей сообщеній, невѣдомыхъ древнему классическому міру.—Вообще, по теоріи либераловъ, каждый можетъ стать государственнымъ человѣкомъ, между-тѣмъ какъ не только чтобъ быть подлиннымъ королемъ, или не-поддѣльнымъ барономъ, но даже для того, чтобъ быть поэтомъ (несамозванцемъ), надобно по общему мнѣнію родиться, имѣть призваніе свыше,—можно быть таковымъ лишь "Божіею милостію".—Правда, государственный человѣкъ, по мнѣнію либераловъ, ничто иное какъ ораторъ, а объ ораторѣ самъ Квинтиліянъ сказалъ, что онъ "fit", тогда-какъ "poeta nascitur". Но въ глазахъ простонародія, которое ку-

qu'une trêve dispendieuse: une seule inquiète tous les autres peuples dans la conservation de leur indépendance et de leur nationalité: c'est la Russie". (Изъ всѣхъ державъ древняго свѣта одна только, со времени паденія Наполеона, мѣшаетъ міру установиться и заступить мѣсто дорого стоющаго пышнаго перемирія: одна только тревожитъ всѣ прочіе народы, угрожая ихъ независимости: это Россія).

да-какъ аристократичнаго образа мыслей, то, чѣмъ всякій можетъ стать, не уважительно. Поэтому-то и понадобилось либераламъ прибавить (опять-таки по Квинтиліяну): Чтобъ быть слушаннымъ въ собраніяхъ государственныхъ людей, "имѣть голосъ", ораторъ долженъ быть еще и "порядочный человѣкъ" (vir honestus), т. е. быть не нищій, имѣть извѣстный доходъ. —Спору нѣтъ, что это прибавленіе дѣльно; только отъ пользующагося нѣкоторымъ доходомъ можно ожидать, что онъ будетъ поддерживать государственное учрежденіе. Но и тутъ либералы дали промахъ; сначала они назначили цѣну порядочности человѣка ("цензъ"), кажется, въ 500 франковъ годовой подати, а потомъ спустили ее, если не ошибаюсь, на 200 съ чѣмъ-то. —Это не умно. Какую цѣну разъ товару объявилъ, такой ужъ и держись, торговецъ, и знай-объявляй публикѣ: у насъ-де въ лавкѣ не торгуются. Иначе только товаръ свой роняешь и дѣлаешь, что за революціей 1830 г., сбавившей ценсъ, слѣдуетъ революція 1848, которой результатъ отмѣненіе ценса провозглашеніемъ общаго права подачи голоса (suffrage universel) и перенесеніе точки опоры Престола, т. е. вершины государственной пирамиды, съ слоевъ зажиточнаго мѣщанства на слой низшій: на войско и крестьянство, которыя между собою составляютъ такъ-же одно племя, какъ таковое составляли до 1789 г. дворянство и высшее духовенство.

Гораздо важнѣе порожденій литературы либерализма были въ періодѣ между Наполеонами слѣдствія огромнаго развитія мануфактурной промышленности. Это развитіе составляетъ другой фактъ, невѣдомый древнимъ.

Считаю не лишнимъ посвятить ему особую главу.

IV.

При словѣ: Мануфактурная промышленность — невольно приходитъ на умъ раздѣленіе труда, — не то, которое закоснѣло существуетъ въ нѣдрахъ самыхъ патріархальныхъ хозяйствъ и можетъ, какъ мы это видимъ въ странахъ азіятскихъ, оставаться непамѣтнымъ цѣлые вѣка, а то, которое имѣетъ значеніе

историческаго принципа, т. е. развивающееся. — Мануфактурныя или фабричныя издѣлія именно такія, которыя не производятся дома каждымъ изъ ихъ потребителей. — Какъ скоро въ какой-нибудь странѣ заводятся фабрики; семейный бытъ, патріархальный образъ жизни особникомъ — въ ней выводится.

Доколѣ каждая семья производитъ сама (чрезъ своихъ членовъ или рабовъ) все, что употребительно въ домашнемъ обиходѣ, дотолѣ семьи *независимы* одна отъ другой въ отношеніи экономическомъ; и связь (союзъ, общеніе, общество) между ними, будь она основана хоть на родствѣ, хоть на сосѣдствѣ, хоть на общемъ ихъ подданствѣ одной государственной власти, еще не самая тѣсная, какая можетъ быть между людьми. Взаимная зависимость людей становится наибольшею, когда одна часть изъ нихъ перестаетъ заниматься производствомъ какого-либо рода издѣлій (положимъ на-пр. кузнецкихъ), тѣмъ болѣе предается вырабатыванію издѣлій всѣхъ остальныхъ обиходныхъ у нихъ родовъ, а на-счетъ покинутаго рода издѣлій полагаетъ, что другая, остальная часть людей ее снабдитъ ими; эта другая часть людей, въ свою очередь, оставляетъ всѣ роды работъ (хлѣбопашество, приготовленіе обуви, одежды, плотничество...) кромѣ того одного (кузнецкаго) который покинула первая часть; имъ она тѣмъ болѣе и исключительно занимается, а на-счетъ всѣхъ остальныхъ произведеній (пищи, платья, лаптей, строеній) полагаетъ, что первая часть людей ихъ для нея изготовитъ.

— Что побуждаетъ людей такъ раздѣлить свои работы; что побуждаетъ ихъ къ такой *передѣлкѣ* своего быта? — къ отреченію отъ независимости?

— Опытомъ дознанная истина, что одна и та-же сумма труда (усилій, силъ) даетъ разные результаты, смотря потому, какъ она раздѣлена; — или, на оборотъ: — что одна и та-же сумма произведеній получается съ большимъ или меньшимъ трудомъ, смотря потому, какъ этотъ трудъ раздѣленъ.

Эта мысль, на которую — какъ на всѣ важныя открытія — люди набрели играючи въ часы досуга, доставленнаго имъ какимъ-либо неожиданнымъ избыткомъ произведеній обрабатываемой ими природы (уро-

жаемъ), какимъ-либо случайно обнаружившимся превосходствомъ ихъ прозводительныхъ силъ надъ кругомъ ихъ потребностей, сначала примѣняема людьми на увеличеніе досуга-же.

Досугъ великая вещь (1). Онъ необходимое условіе для того, чтобъ человѣкъ пришелъ, углубился въ себя. —Въ часы досуга человѣкъ сознаетъ себя, сознаетъ свою недостаточность. Онъ тогда чувствуетъ, что хотя тѣ потребности, которыя онъ дотолѣ считалъ своими единственными, и удовлетворены, ему все-таки чего-то недостаетъ. — Чего именно — онъ не знаетъ наперёдъ; его чувство недостаточности принимаетъ неопредѣленный видъ тоски, скуки.

Вялыя натуры стараются избѣжать скуки пресыщеніемъ и умышленною (преднамѣренною, серіозною) игрою, т. е. воспроизведеніемъ того, что они знаютъ, что они чувствуютъ ненужнымъ имъ. Для нихъ праздность, дѣйствительно, матерь всякихъ пороковъ. — Но живыя натуры, для избавленія себя отъ скуки, не возвращаются на то, что ими разъ уже извѣдано какъ не вполнѣ ихъ удовлетворяющее, — онѣ идутъ далѣе, впередъ; — онѣ принимаются бродить — и духомъ и тѣломъ.

Броженіе духа или мысли есть вымыселъ, фантазія, *поэзія*, т. е. творчество (poiein значитъ : творить сочетать, *сочинять* присущее въ новые образы). — Каждый поэтъ, — мимоходомъ будь сказано, — могъ бы назвать свои творенія, какъ Байронъ, "Часы досуга" (Hours of idleness); въ часы хлопотливости (business) навѣрно ничто не было вымышлено.

Если только человѣкъ примется бродить, какимъ бы то ни было образомъ, то навѣрно его тоска, т. е. его общее неопредѣленное чувство недостаточности, пустоты, сколько-нибудь и на нѣкоторое время опредѣлится : онъ найдетъ на что-нибудь, что онъ приметъ за дотолѣ недостававшее ему дополненіе. Тутъ досугу конецъ; человѣкъ болѣе не бродитъ, а стремится прямо къ завидѣнной имъ цѣли.

Теперь у него одною потребностью больше противъ

(1) Ср. Шиллера статью: Etwas ueber die erste Menschengesellschaft nach dem Leitfaden der Mosaischen Urkunde.

прежняго, — больше дѣла; отнынѣ раздѣленіе труда будетъ прилагаемо къ усугубленію производительности.

И такъ на вопросъ: Что побуждаетъ людей выйдти изъ быта особникомъ и вдаваться все дальше и дальше въ раздѣленіе труда, въ общеніе между собою? — мы отвѣчаемъ: Сначала желаніе израсходовать менѣе усилій, имѣть менѣе урочныхъ часовъ, безъ уменьшенія количества произведеній; потомъ — желаніе, не работая "черезъ силу", не истощаясь (болѣе чѣмъ прежде), добывать болѣе произведеній.

Въ обоихъ случаяхъ люди, жертвуя своею *независимостью*, имѣютъ въ виду сдѣлать для себя легко доступнымъ все то, что они полагаютъ недостающимъ имъ. — Это значитъ: они имѣютъ въ виду быть *привольный* (aisance, bien-être).

И Независимость и Приволье называются Вольностью, Свободой (1); но первая — свобода лишь въ отрица-

(1) Г. Рейфъ, въ своемъ Этимологическомъ Лексиконѣ русскаго языка, просмотренномъ г. Гречемъ, производитъ слово *Свобода* отъ: *свой* и *буду*. Это напоминаетъ производства слова domestique отъ: домъ мести, а кабинетъ отъ: какъ бы нѣтъ. — Слово-же *слобода* по этимъ филологамъ ничто иное какъ искаженное (altéré) свобода. На самомъ дѣлѣ *свобода* происходитъ отъ *слобода*. Самъ г. Рейфъ замѣчаетъ, что слобода значитъ: grand village d'une seule rue, qui jouit de quelque franchise; longue rue, faubourg d'une ville. Всякому знающему Россію не только по книгамъ и канцелярскимъ бумагамъ извѣстно, что ни въ какомъ народѣ буква Л не картавится такъ часто въ В, какъ въ русскомъ передъ гласными: а, о, у. Во всемъ сѣверо-восточномъ краѣ Россіи заселенномъ Новгородскимъ племенемъ, не услышишь отъ крестьянъ *свобода, свободный*, а: *слободи, слободный*. — Уже потому явно, что *свобода* происходитъ отъ: *слобода*, что наиболѣе отвлеченныя слова являются всегда напозже въ каждомъ языкѣ, а свобода представляетъ, надѣюсь, понятіе гораздо болѣе отвлеченное, чѣмъ *слобода*, Freistadt. — Послѣднее, въ свою очередь, происходитъ отъ: *слабъ* (соотвѣтствующаго нѣмецкому schlaff, шведскому slapp). Слова вообще появляются въ языкахъ попарно; выраженіе: *Нѣмецъ* явилось на пр., единовременно съ именемъ: *Словенинъ*. Такъ и *слабость, слободность, свободность* возникли какъ антитезы къ: *крѣпость, крѣпостное* (состояніе). — Когда — не говорю ужъ петербургскія академіи, а — яростные русскіе патріоты, Словенофилы, издадутъ изрядный словарь своего языка? — Или такой трудъ можно ожидать только отъ вольной русской типографіи? — Неужели и Лексикологія не можетъ преуспѣвать подъ царскимъ гнетомъ?... Видно, оно такъ; и замѣчательная книжка: *Карманный словарь иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ* (изданная въ 40-выхъ годахъ), не болѣе чѣмъ исключеніе подтверждающее правило. Впрочемъ не стоитъ

тельномъ смыслѣ, означаетъ увольненіе *отъ* всего, отрѣшенность, пустоту; второе — положительная, дѣйствительная или дѣятельная Воля-Свобода; при немъ человѣкъ воленъ на все; оно тождественно съ : могуществомъ, мощью, властью.

Какъ-же происходитъ, что на полъ-пути своего стремленія отъ независимости къ приволью, человѣчество попадаетъ въ состояніе, въ которомъ большинству нѣтъ ни независимости, ни приволья?....

Мы выше упомянули, что потребности въ извѣстномъ кругѣ сожительствующихъ людей умножаются *постепенно*, что общая недостаточность, нецѣлостность человѣка ему мало-по-малу обнаруживается въ видѣ

большаго умственнаго усилія, чтобъ понять причину : Лексикологія то-же самое для словесности народа, что анатомія для медицины. Какъ анатомія такъ и лексикологія (или этимологія) могутъ преуспѣвать только тогда, когда онѣ ведены путемъ *сравнительнымъ*, раціональнымъ. А чего-чего не выведешь изъ сравнительной, раціональной анатоміи языковъ! — Вѣдь номенклатура (наименованіе) предметовъ первая ихъ классификація, сортировка. Простымъ нарицаніемъ и указаніемъ предметовъ началась рѣчь человѣческая; тѣмъ-же она и кончится; конецъ будетъ похожъ на начало. Фразы или предложенія суть только нѣчто промежуточное между первобытною номенклатурою предметовъ и окончательною. Фраза существуетъ лишь вслѣдствіе того, что человѣкъ находитъ первоначальное наименованіе предметовъ недостаточнымъ; мнѣ стоитъ поставить рядомъ какое-бы то ни было подлежащее, связь и какое бы то ни было сказуемое, чтобъ этимъ самымъ уже выразить порицаніе существующей номенклатуры въ языкѣ, которымъ я говорю. Какой смыслъ можетъ имѣть каждое изъ произносимыхъ мною грамматическихъ предложеній, если не слѣдующій : "Мнѣ кажется, что подлежащее (А) должно означать сказуемое † или В (быть сказано съ нимъ), но какъ † В или В *само собою не разумѣется* подъ своимъ А, то я считаю нужнымъ высказать или выказать (указать, доказать) это, дабы впредь слово А всегда въ умѣ моего слушателя *сочеталось* съ сказуемымъ или *прилагательнымъ* В († или -)".

Но отсюда явно, что всевозможныя фразы, произносимыя въ какомъ-либо народѣ (языкѣ тожъ), имѣютъ свою причину бытія въ его номенклатурѣ, словарѣ, точнѣе сказать : въ его этимологіи, словопроизводствѣ. Означаются-ли два какихъ-либо предмета на одномъ языкѣ двумя сродственными между собою звуками или, напротивъ, двумя совершенно другъ отъ друга разными, я тотчасъ въ правѣ заключить, что первый народъ ставитъ тѣ два предмета въ одну группу, считаетъ ихъ за одно, между-тѣмъ какъ другой принимаетъ ихъ какъ двѣ различныя единицы. Так. обр. словарь представляетъ основу, канву всего образа мыслей народа, излагать который цензура дозволяетъ лишь подъ извѣстными условіями.

разнообразныхъ потребностей. — Есть череда въ ихъ проявленіи; есть первыя потребности, есть потребности, второй, третьей, и т. д. степеней.

Мы сказали также: для того, чтобъ въ извѣстномъ кругѣ людей возникла какая-либо второстепенная потребность, чтобъ они устремились удовлетворять ее, надобно, чтобъ они предварительно *совладали* съ первыми своими потребностями, *превозмогли* эти;

— чтобъ за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей у нихъ оставался нѣкоторый досугъ, — оставалось въ распоряженіи нѣкоторое свободное время, — оставались нѣкоторыя свободныя силы;

— надобно, чтобъ люди видѣли себя обезпеченными на нѣкоторое время, т. е. въ возможности (*въ состояніи*) не посвящать себя работамъ первой крайней необходимости, не рискуя чрезъ такое упущеніе умереть съ голоду.

Сколь великъ излишекъ, сколь велико превосходство производительныхъ силъ общества надъ кругомъ его настоящихъ потребностей, на столько (и ничуть не болѣе) оно можетъ, разсчетливо поступая, перейдти къ пріисканію средствъ для второстепенно возникающихъ въ немъ требованій.

Говоритъ-ли мнѣ, напр., петербургскій академикъ Бернгарди въ своей книгѣ Vom groszen und kleinen Grundbesitz, что теперь во Франціи изъ каждой сотни людей 65 должны исключительно заниматься хлѣбопашествомъ, для того, чтобъ произвести сколько нужно съѣстныхъ припасовъ для всей сотни; я заключаю, что во Франціи (не принимая въ разсчетъ иностранной торговли) лишь 35 процентовъ народонаселенія — благоразумно — могутъ посвятить свое время инымъ ремесламъ, чѣмъ земледѣліе.

Бѣда, если эта пропорція будетъ нарушена! — если работники какой-либо одной отрасли промышленности станутъ менѣе необходимы, важны или выгодны для работниковъ всѣхъ остальныхъ отраслей, чѣмъ эти всѣ для первыхъ. Тогда равновѣсіе во взаимной зависимости исчезаетъ, и кто кому болѣе необходимъ, тотъ надъ тѣмъ тяготѣетъ, тотъ того держитъ въ своей власти.

Скажутъ: пропорціональность въ раздѣленіи суммы народонаселенія на разныхъ родовъ производителей должна измѣняться уже отъ самаго того факта, что производительная сила (ловкость, искуство) работниковъ постепенно возрастаетъ; что сегодня могутъ выработать 65, то черезъ нѣсколько лѣтъ будутъ въ состояніи произвесть 50 человѣкъ. Тогда для фабричныхъ земледѣльцы нужны будутъ въ отношеніи 35 : 50, между-тѣмъ какъ для земледѣльцевъ фабричные попрежнему будутъ требоваться въ пропорціи 35 : 65. — Какъ-же съ этимъ быть?

Тутъ представляются три выхода:

Либо земледѣльцы будутъ продолжать работать столько-же времени, въ такомъ-же числѣ, какъ прежде. — Тогда они будутъ производить лишнее, предметы которые не будутъ находить себѣ потребителей; они будутъ *предлагать* товары и не находить *спроса* на нихъ.

Либо земледѣльцы умѣрятъ число своихъ рабочихъ часовъ, и оставаясь 65 процентовъ народонаселенія, будутъ работать лишь какъ 50. — Я противъ увеличенія досуга ничего не имѣю и нахожу, что лучше ничего не дѣлать, чѣмъ умышленно поступать безотчетливо.

Либо изъ 65-ти 15 человѣкъ покинутъ земледѣліе и посвятятъ себя какой-либо новой спеціальности; они *подраздѣлятъ* трудъ и употребятъ свои силы и время на *отдѣлку*, на утонченное, рачительное, роскошное, художественное производство того, что и прежде было производимо, но валовымъ образомъ.

Въ послѣднемъ случаѣ каждый членъ общества будетъ въ выигрышѣ, потому-что въ оборотѣ или обиходѣ будутъ теперь издѣлія высшаго сорта, чѣмъ прежде; потому-что каждый, работая не болѣе чѣмъ прежде, будетъ теперь однакожъ въ состояніи получать въ замѣнъ (плату) своей работы болѣе разнообразныя, лучшія издѣлія, чѣмъ бывало.

— Вотъ мы и въ *Утопіи!* восклицаетъ читатель.

— Ужъ не хочетъ-ли авторъ, чтобъ народы дѣлили и передѣляли трудъ на мирскихъ сходахъ, какъ русскіе крестьяне дѣлаютъ раскладку тяглъ?

— Отвѣчаю: раздѣленіе труда есть именно дѣло общественное, подлежащее разсужденію и обсужденію на народныхъ собраніяхъ. На это только и надобно

было бы имѣть Совѣщанія,—а не на то, какъ теперь, чтобъ слушать краснобайство государственныхъ людей. —Оттого, что доселѣ раздѣленіе и постепенное подраздѣленіе труда не было предметомъ разсужденій на сходахъ мировыхъ, а происходило по частной *прихоти*, —оттого и всѣ бѣдствія, называемыя: рыночные завалы (encombrements de marché), застой работъ (chômage), бобыльство (prolétariat), нищета (paupérisme). Раздѣленіе труда само-по-себѣ начало животворное; но къ нему привилось начало собственности, и потому оно принесло ядовитые плоды.

Какъ творится теперь раздѣленіе труда? какимъ образомъ нынѣ человѣкъ покидаетъ патріархальный, земледѣльческій бытъ и идетъ въ фабричные работники? Вотъ въ какой-нибудь крестьянской семьѣ "не по работѣ рукъ много", какъ говоритъ Петръ Глѣбовъ въ Григоровича романѣ *Рыбаки*. Сынъ, вышедшій ужъ изъ дѣтскаго возраста, скучаетъ отъ бездѣлья. А тутъ приходитъ человѣкъ, большею частію среднихъ лѣтъ, и предлагаетъ сыну поступить къ нему въ работники, т. е. подрядиться, вербуетъ его.

Что въ сущности, говоритъ хозяинъ-подрядчикъ (entrepreneur)? Что онъ имѣетъ *мысль завести* что-либо могущее дать прибыль; что у него есть средства на заведеніе, именно запасъ—запасъ денегъ (не спрашиваю какъ добытыхъ), представляющій запасъ товаровъ, нужныхъ для существованія; что онъ на этотъ свой запасъ будетъ закупать матеріялы для завода и разъѣзжать продавать издѣлія, которыя будутъ изготовляемы на заводѣ,—что онъ будетъ распоряжаться, *управлять* работами, ибо вѣдь *мысль*—его! Онъ подвергнетъ одного себя всѣмъ случайностямъ торговли, онъ на себѣ ихъ вынесетъ: съ барышемъ-ли сбудетъ онъ товаръ, тѣмъ ему лучше; съ убыткомъ-ли онъ принужденъ будетъ продать, тѣмъ ему одному хуже. Работнику-же, говоритъ онъ, ни до какихъ рисковъ дѣла нѣтъ; онъ будетъ постоянно получать одну извѣстную плату, обезпеченную наличнымъ запасомъ или капиталомъ хозяина.—Отецъ вербуемаго, особенно-же старуха мать, говорятъ сыну: Не слушай этого чужаго человѣка; оставайся у насъ; вѣдь мы, благодаря Бога, не въ крайней нуждѣ живемъ; будетъ и у насъ для

тебя кусокъ хлѣба; отъ добра, добра не ищутъ. — Но молодой человѣкъ—(всѣ идущіе въ работники "на сторону" или "въ люди", т. е. внѣ дома, либо дѣйствительно юноши, либо юношескаго образа мыслей; —я не говорю, разумѣется, объ уже родившихся въ сословіи заводскихъ работниковъ)—молодой человѣкъ видитъ предъ собой независимость отъ родительской власти, вѣрную заработную плату, и—оправдываетъ поговорку аристократовъ-консерваторовъ: Человѣку добро наскучаетъ, онъ ищетъ лучшаго, находитъ дурное, и остается въ немъ, боясь худшаго.....

Не драматически, а математически говоря, раздѣленіе труда потому пагубно развивается въ лѣстницу, что ступени строемы не по удостовѣренному, постоянному превосходству производительныхъ *силъ* общества надъ кругомъ его потребностей, а *по запасамъ* товаровъ, составляющихъ *сокровища*, которыхъ никто повѣрять не можетъ, кромѣ собственника ихъ, и происходящимъ отъ *случайнаго* излишка человѣческой производительности надъ потребленіемъ.

Поклоненіе случайнымъ силамъ, упущеніе изъ виду вѣчныхъ, это-то и есть обожаніе златаго тельца, *матеріялизмъ*, въ гнусномъ смыслѣ слова. Оно порождаетъ духъ барышничества.

Руководимые имъ, люди при постепенномъ созиданіи особыхъ отраслей промышленности держались правила: производить преимущественно такія издѣлія, за которыя богатые расположены платить высокія цѣны, — производить предметы рѣдкостные, служащіе для прихоти, роскоши.

Лишь въ послѣдствіи фабриканты смекнули, что съ міра по ниткѣ голому рубаха, и устремились на производство товаровъ дешево обходящихся имъ самимъ и потому доступныхъ на рынкахъ и не богатымъ сословіямъ. Они разсчитали, что выгоднѣе, надежнѣе, имѣть много покупателей, хотя бы и не богатыхъ, чѣмъ весьма богатыхъ, но малочисленныхъ.

Такъ мануфактурная дѣятельность развивается, на перекоръ здравому смыслу, отъ издѣлій высшей, утонченной роскоши къ издѣліямъ болѣе потребнымъ. Въ недавнее время она стала производить такіе товары, которые доселѣ были изготовляемы милліонами неза-

житочныхъ хозяйствъ про себя; стала производить и предлагать ихъ дешевле, чѣмъ каждое хозяйство можетъ порознь, само для себя ихъ производить; тѣмъ начала вытѣснять приготовленіе этихъ издѣлій изъ круга обычныхъ домашнихъ рукодѣлій, и выводить бѣдныя семьи изъ быта особникомъ, дѣлать ихъ зависимыми отъ нея.

— Что-жъ, скажутъ, за бѣда въ томъ, что раздѣленіе или обособленіе труда развивается сверху внизъ, а не снизу вверхъ?

— Бѣда состоитъ въ затрудненіяхъ самихъ капиталистовъ-фабрикантовъ, а вслѣдствіе сего, *перерывахъ* работъ и заработковъ для класса фабричныхъ работниковъ, которымъ нужна *безпрерывная* ежедневная работа, ибо, не имѣя запасовъ, они принуждены жить работая со дня на день.

— Но откуда-же затрудненія капиталистовъ? — Какъ-же, казалось бы, не находить имъ сбыта своимъ товарамъ, когда они постепенно разширяютъ кругъ своихъ потребителей-покупателей?

— Постепенность, увы! не всегда значитъ непрерывность; есть постепенныя развитія съ множествомъ знаковъ препинанія, камней преткновенія. — Безсомнѣнно, съ тѣхъ поръ, какъ фабриканты взяли себѣ за девизъ: "Производить сколь можно дешевле, сколь можно больше", они рады бы видѣть свои издѣлія доступными всему народонаселенію. Но по мѣрѣ разширенія мануфактурной дѣятельности, многочисленнѣйшій классъ людей въ каждомъ народѣ мало-по-малу переходитъ изъ состоянія независимыхъ хозяйствъ въ положеніе подѣнщиковъ, живущихъ единственно заработною платою, получаемою отъ хозяиновъ-подрядчиковъ; а на заработную плату работники никакъ не могутъ купить себѣ издѣлія, ими-же самими производимыя подъ вліяніемъ хозяевъ. Цѣна товаровъ фабричныхъ состоитъ именно изъ жалованія платимаго хозяиномъ работникамъ и нѣкотораго процента, взимаемаго себѣ хозяиномъ въ видѣ либо барыша, либо вознагражденія за труды его по управленію заводомъ, и т. п.—Какъ-же можетъ когда либо заработная плата сравняться съ цѣною товаровъ?...

Оптовая промышленность, слѣдовательно, развива-

ясь, сама себя подъѣдаетъ: стремясь расширить кругъ своихъ потребителей, понижая цѣны товаровъ, т. е. понижая вмѣстѣ съ тѣмъ заработную плату и подрывая дешевизною мелкихъ, независимыхъ производителей тѣхъ-же родовъ товаровъ (вспомните Силезскихъ ткачей?), она суживаетъ кругъ людей находящихся въ состояніи покупать ея издѣлія.

Она сама весьма ясно сознаетъ свое положеніе. — Да и что, кажется, труднаго понять, что: 1) она можетъ находить покупателей своимъ издѣліямъ только въ числѣ тѣхъ людей, которые сверхъ заработной платы имѣютъ еще какой-либо прибытокъ отъ своихъ рукомеслъ не фабричныхъ; 2) что этимъ-то избыткомъ или лишкомъ и оплачиваются преміи или барыши, поступающіе въ карманъ къ хозяевамъ, послѣ продажи товаровъ, за вычетомъ изъ вырученной цѣны заработной платы, платимой ими работникамъ: 3) что она сама, желая имѣть сколь возможно болѣе покупателей, старается производить сколь возможно дешевле, и превратить въ производство фабричнымъ путемъ все, что еще не производится этимъ путемъ; что она старается захватить (обособить себѣ, монополизировать) всѣ роды производительности; что она, благодаря *вѣрѣ* человѣческаго рода въ запасы, въ силахъ это сдѣлать, и что слѣдовательно 4) она сама, оптовая промышленность, подрывая мелочную, переводитъ классъ людей имѣющихъ болѣе чѣмъ что работники получаютъ на фабрикахъ, и могущихъ слѣдовательно окупать издѣлія хозяйственныхъ заводовъ.

Нельзя подозрѣвать, что она, имѣющая дѣла въ своихъ рукахъ, она столь разсчетливая! столь смѣтливая! не провидитъ это.

— Отчего-же она упорствуетъ въ своемъ образѣ дѣйствія?

— Именно отъ... не скажу: эгоизма (ячности) промышленниковъ; эгоизмъ столь обширное слово, что имъ ничего не опредѣляется; эгоизмъ—двигатель всего живаго; но эгоизмъ эгоизму рознь, и потому скажу:— отъ того мелочнаго, неразумнаго эгоизма, который *вѣруетъ* — не въ безсмертіе, о нѣтъ! — въ смерть; который, при всемъ своемъ ханжествѣ, думаетъ, что насъ ничто не ждетъ за гробовой доской; который

потому не даетъ себѣ труда рѣшить ни единый изъ жизненныхъ вопросовъ, а постоянно твердя: "Стало бы нынѣшняго хода дѣлъ лишь на мой вѣкъ!" откладываетъ рѣшеніе всѣхъ.

Этотъ эгоизмъ выразился весь въ недавно созданной имъ "наукѣ", именуемой: *Политическая Экономія*, — что значитъ въ офиціальномъ слогѣ: Государственное хозяйство, въ простонародномъ: хитростное домоводство (т. е. управленіе торговыхъ домовъ). — Политическая экономія ничто иное какъ риторика, поставившая себѣ цѣлью доказывать, что нынѣшній ходъ вещей есть наивозможно-лучшій. Начальною темою ея былъ афоризмъ: Laissez faire, laissez passer, пускай себѣ идетъ какъ идетъ; послѣднее ея слово: "Свобода торговли".

Теорія "свободной торговли" желаетъ ввести раздѣленіе труда, какъ оно теперь идетъ по приказу капиталистовъ, между цѣлыми народами.—Она развита во множествѣ краснорѣчивыхъ книгъ и рѣчей, сквозь которыя звенитъ Пушкинскій стихъ:

Мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу(1).

— А зачѣмъ, братъ, тебѣ въ лѣсъ? — чтобъ тамъ продолжать то-же ремесло, по которому ты попался въ душноту!

Фи! какъ это по-варварски. Мы лучше скажемъ изящнымъ слогомъ неподкупнаго Мирабо: Laissez le commerce aller et venir á l'aise: d'homme à homme, il a fondé les familles; de famille à famille, il a fondé les peuples; de peuple à peuple, il fondera l'unité du monde. (Дадимъ вольный ходъ торговлѣ: отъ человѣка къ человѣку она основала семьи; отъ семьи къ семьѣ, народы; отъ народа къ народу, она оснуетъ единство міра).

— Какая-же выгода была бы міру, еслибъ онъ весь сложился такъ, какъ сложились уже теперь, благодаря торговлѣ, тѣ народы, въ которыхъ торговля задыхается, въ которыхъ она вопитъ по исходѣ, по сбыту внѣшнему?—Тогда и въ немъ будетъ такъ-же душно, какъ теперь въ границахъ отдѣльныхъ государствъ. Но изъ этихъ еще есть выходъ, а изъ міра куда?

(1) Изъ поэмы: "Братья Разбойники".

Теорія "свободной торговли" — раз-или-от-влеченіе для народовъ отъ предстоящаго имъ неминуемаго вопроса о праведномъ раздѣленіи труда. Она, какъ всякое развлеченіе, лишь откладываетъ рѣшеніе; какъ всякое отвлеченіе, лишь запутываетъ вопросъ. — Для рѣшимости необходимо сосредоточеніе, какъ частнымъ людямъ такъ и народамъ.

Еслибъ одна только не мертвая страна совершила полной поворотъ на своей оси (это-то и значитъ слово *революція*), ея движеніе быстро сообщилось бы всѣмъ остальнымъ странамъ, все человѣчество перестало бы метаться изъ крайности въ крайность, какъ юноша, и пошло бы ровнымъ, вѣрнымъ шагомъ возраста полной разумности.

При послѣдовательномъ-же развитіи нынѣшняго хода дѣлъ, торговля должна становиться годъ отъ года затруднительнѣе; капиталы будутъ все болѣе и болѣе вынимаемы изъ оборота и помѣщаемы на проценты въ Государственные займы. Это помѣщеніе уже теперь очень любятъ люди финансовые, какъ самое вѣрное и безхлопотное. Правительства, съ своей стороны, весьма расположены все болѣе и болѣе входить въ займы; доказательство тому умноженіе ихъ долговъ съ конца прошедшаго столѣтія. — Подъ конецъ всѣ капиталы окажутся въ рукахъ правительства, которое тогда станетъ механизмомъ — или, пожалуй, организмомъ съ эндозмосомъ и эксозмосомъ — служащимъ къ взиманію податей съ рабочаго класса и раздѣленію ихъ, въ видѣ дивиденда, между своими акціонерами-кредиторами...

Но и тогда государственные люди будутъ утверждать, что Государство не есть заговоръ имущихъ противъ неимущихъ, а божественное учрежденіе для осуществленія идеи правды и справедливости, какъ сказано въ Энциклопедіи Законоведенія профессора Неволина, — или тому подобное.

ЭПИЛОГЪ.

— Такъ, по твоему мнѣнію намъ еще предстоитъ вступить въ періодъ разумности! покамѣстъ мы еще не обрѣтаемся въ немъ! — замѣчаетъ мнѣ читатель.

— Да, я думаю, что не только люди, но и вся природа еще не находится въ состояніи разумности. Вселенная слагается, устроивается въ порядокъ, но еще не сложилась, не устроилась: — она выходитъ, но еще не вышла, изъ состоянія хаотическаго.

Мнѣ невозможно представить себѣ въ одной картинѣ (сообразить) явленія, которыхъ я свидѣтель, иначе чѣмъ предполагая имъ исходнымъ пунктомъ моментъ, въ который міръ (по-крайней-мѣрѣ тотъ, въ которомъ я себя вижу и за предѣлами котораго я ничего не могу себѣ вообразить) распался, надломился, раздѣлился на частныя, недѣлимыя (далѣе) существа, изъ которыхъ ни одно не представляетъ цѣлую, круглую единицу, каждое шероховато, угловато. Молніеобразная линія перелома образовала каждое съ вдающимися и выдающимися углами, дала всѣмъ усѣченныя формы. Въ тотъ моментъ не только все разорвалось на дробныя количества, но дроби перемѣшались, перепутались. Въ этомъ состоитъ Хаосъ.

Развитіе состоитъ въ распутаніи перепутаннаго,— въ перестановленіи (permutatio) существъ(1). Недѣлимые, разметанные члены цѣлыхъ, тоскуютъ другъ по другѣ, имъ "порознь тошно". Каждое существо чувствуетъ свою неполноту, нецѣлостность, и притомъ хочетъ уцѣлѣть, укомплектовать себя, усовершенствоваться, соединясь съ тѣмъ, что кость отъ костей и плоть отъ плоти его, съ чѣмъ вмѣстѣ оно составляетъ полную, круглую единицу, съ тѣмъ что дополненіе къ нему. Для этого(2) оно отрывается отъ среды, въ которую оно застаетъ себя заброшеннымъ, обособляется (отъ этой среды) и приходитъ въ движеніе, ища среду сродныхъ ему существъ.

(1) Въ дальнѣйшей индивидуализаціи, говоритъ Гервинусъ въ Введеніи къ Исторіи XIX столѣтія. Аугсбургская газета говоритъ: "Намъ, напротивъ того, кажется, что по закону развитія цивилизаціи, общества подобно нашимъ уже перешедшія свою апогею, непреодолимо стремятся еще разъ сплотиться подъ вліяніемъ единодержавія". (Beilage zum Blatt vom 20 Oct. 1852).

(2) Вотъ слова Фейербаха: "Alles ist ja nur, weil es nothwendig ist, Alles entsteht nur aus Noth, Mangel, Bedürfnisz. Selbst der Luxus verdankt nur dem Bedürfnisz seinen Ursprung... Das beschrænkte, unvollkommene Wesen ist allein produktiv, denn es begehrt die Freiheit und Vollkommenheit und nur die Begierde ist zeugung-

Люди называютъ существующимъ, Нѣчто, лишь то, что сколько-нибудь обособилось отъ своей среды, перестало быть или еще не стало безразличнымъ отъ нея. Становленіе особымъ называется происхожденіемъ, рожденіемъ; прекращеніе обособенности — смертью, уничтоженіемъ. — Перестать быть особо, отличительно отъ своей среды, видимымъ для человѣческаго глаза не значитъ однакожъ отлучиться отъ вселенной, выйдти изъ круговорота жизни, отрѣшиться отъ ея общихъ судебъ, стать на вѣки вѣчные непричастнымъ къ общему положенію міра. — Изъ міра ничто не убываетъ, ничто къ нему не прибавляется; сумма всего находящагося въ немъ постоянно одна и та-же; измѣняется лишь образъ раздѣленія ея на среды или группы, или, какъ уже сказано, всѣ измѣненія суть перестановленія. — Эту мысль доказалъ вѣсами великій Лавуазье; ее въ нашъ вѣкъ, въ примѣненіи къ роду человѣческому, высказали Пьеръ Леру(1) и Жоржъ Зандъ(2). — Что на время становится невидимымъ для нашего глаза, или измѣняетъ свой человѣческій видъ, то когда нибудь опять явится въ человѣческомъ образѣ. А еслибъ я и никогда ужъ послѣ предстоящей мнѣ смерти не воскресъ въ видѣ человѣка все-таки, все что меня составляетъ не можетъ утратиться изъ природы, и потому если это, меня составляющее, не будетъ чувствовать какъ человѣкъ, оно будетъ чувствовать какъ Природа. — Ложно думаютъ многіе, что Природа сама-по-себѣ, а человѣкъ самъ по себѣ. Человѣкъ, есть чувствующая, сознающая Природа. Способность чувствовать, сознавать не можетъ въ природѣ изчезнуть, ибо она есть. — Мы, люди въ эту минуту живущіе какъ люди, не представляемъ поколѣніе, лежащее какъ верхній слой надъ предшествовавшими намъ поколѣніями, нашими предками, представлявшими бы низшіе слои. Нѣтъ, времена, поко-

skræftig; aber das vollkommene Wesen ist befriedigt in sich, hat also keinen Trieb und Grund zur Schœpfung und Zeugung, wenigstens eines anderen unvollkommenen Wesens". (Sæmmtliche Werke, Bd. V, S 211).

Прудонъ говоритъ въ Philosophie du Progrès: "Il n'y a rien pour un être hors de sa plénitude, qui est sa glorification, pas plus qu'il n'y a de complément à l'univers", (pag. 87 .

(1) De l'humanité.

(2) Consuelo, La comtesse de Rudolstadt.

лѣнія не ложатся другъ на друга, какъ геологическіе слои; настоящее есть претворившееся прошедшее; въ настоящемъ заключается и все будущее. — Что разъ живетъ, то вѣчно жило и обречено вѣчно жить впредь; оттого-то настоящее несетъ на себѣ грѣхи прошедшаго и можетъ страдать за свои нынѣшнія, ему сходящія съ рукъ, преступленія въ будущемъ. — Вотъ этому не хочетъ вѣрить господинъ средней руки, твердящій: "Стало бы лишь на мой вѣкъ!..." Опирая свою вѣру въ Смерть или въ Ничто за гробомъ на томъ, что онъ не помнитъ себя до своего рожденія. Какъ будто пробѣлъ въ нашей памяти означаетъ перерывъ нашего существованія, и даже ощущенія! какъ будто мы не имѣемъ тому примѣровъ во снѣ и въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ мозга!... и какъ будто состояніе наше во время сна и когда мы снова пробуждаемся, не зависимо отъ нашихъ дѣйствій наканунѣ! — Прибавлю къ этому, что природа выходитъ болѣе и болѣе изъ состоянія дремоты къ самосознанію, къ себянамятыванію.

Въ нѣмецкомъ языкѣ есть превосходное слово для означенія происхожденія; это — Ur-Srpung, т. е. первый прыгъ. Дѣйствительно, все первоначально является (обособляется отъ своей среды въ другую), "скокомъ не нарокомъ", не по толчку совнѣ, не вслѣдствіе чего-либо, а само-собою, безъ спроса или зова; все начинается случайностью, ненужностью, слѣдовательно не разумно. Первый актъ есть актъ воли, не мышленія. — Жизнь для существа получаетъ нѣкоторую послѣдовательность, изъ бьющаго ключа (spons, spontaneitas) превращается въ потокъ, лишь послѣ того, что существо совершило свой первый актъ, т. е. вступило въ какую нибудь среду. Теперь, и не раньше, наступаютъ для него опредѣленность, зависимость, связь, обусловленность. — Все идетъ на столько по добру, на сколько соблюдается пропорціональность въ сочетаніяхъ вступившаго въ среду существа съ тѣми, которыхъ оно встрѣчаетъ. Эти послѣдніе становятся для него данными, по которымъ опредѣляется его воля; средствами, которыя оно примѣняетъ къ достиженію своей цѣли (усовершенствованію, пополненію себя); предлогами, поводами къ дѣйствованію, т. е. къ выраженію воли,

отчужденію воли-независимости. Они производятъ на него вліяніе, впечатлѣніе, т. е. толчки (impulsiones). Чтобъ не произошло зло, существо не должно, изъ привязанности къ средствамъ, терять изъ виду цѣль; каждое дѣйствіе его должно быть соразмѣрно поводу, по которому оно возникло, или, какъ обыкновенно говорятъ, каждое дѣйствіе должно имѣть "достаточную причину" (хотя подъ причиной разумѣютъ иногда и внутренній факторъ, волю; въ какомъ случаѣ постулатъ не имѣетъ смысла). Иначе сказать: существо должно отдавать себя другимъ ровно столько, сколько они производятъ вліянія въ него; отпоръ долженъ быть равенъ толчку-впечатлѣнію. Тогда отношенія или взаимнодѣйствія существъ (волей) образуютъ непрерывный рядъ, прогрессію, серію. Въ движеніи нѣтъ скачковъ, промежутковъ, нѣтъ ни смерти отъ истощенія, ни порожденія лишняго, ни иммиграціи въ среду, ни эмиграціи изъ нея; дѣла текутъ живо.

Каждое существо и хочетъ, чтобъ такъ шло. Ни одно не хочетъ прилѣпиться къ другимъ большимъ числомъ сторонъ, чѣмъ тѣ, которыми эти другія его касаются. Каждое ищетъ въ другихъ лишь то, что ему соотвѣтствуетъ, что ему свое, — хочетъ лишь округлить, выполнить свои недостатки, зазубрины, или вдающіеся углы; ни которое не хочетъ захватить чуждое ему, ни быть само захвачено такимъ.

Но для этого надобно бы, чтобъ каждое существо предварительно (a priori) знало, что въ встрѣчаемыхъ имъ соотвѣтствуетъ ему, дополняетъ его, что преступаетъ предѣлы его ёмкости.

Этого знанія нѣтъ въ природѣ. Оно лишь вырабатывается постепенно. Существа идутъ путемъ опыта, пробованія. Каждое хватается за первое ему встрѣчное, сколько-нибудь, лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обѣщающее дополнить его недостаточность, и сочетуется съ нимъ безъ оглядки, безусловно, безотносительно; оно предается, т. е. предаетъ себя, перестаетъ быть вѣрнымъ, послѣдовательнымъ самому себѣ; оно поступаетъ безхарактерно, увлекается. — Отсюда союзы или общества, въ которыхъ недѣлимымъ столь-же "тѣсно", сколько порознь имъ было "тошно"; отсюда не-лѣпыя сочетанія, тягостныя преданности,

оканчивающіяся насильственными разрывами, предательствами, измѣненіями нарекаемыми измѣнами; отсюда страданія, принесеніе либо индивидуума на жертву обществу (средѣ), либо общества индивидууму.—Отсюда горестная необходимость революціи, какъ въ Природѣ такъ и въ человѣчествѣ, т. е. переломовъ, перерывовъ (lésions de continuité) развитія.—Революціи образуютъ эпохи, т. е. моменты, которые разсѣкаютъ потокъ временъ или дѣйствій на разные періоды.—Въ періодѣ все идетъ послѣдовательно,—"какъ слѣдуетъ"; а какъ чему слѣдуетъ идти, такъ тому и должно идти.—Въ эпохѣ не то.—Въ промежуточное время недѣлимое восклицаетъ:

"Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?.....
Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце *пусто* празденъ умъ,
И томитъ меня *тоскою*
Однообразный жизни шумъ".

Эпоха есть возстаніе, воскресеніе—послѣ шести рабочихъ дней періода.—Блаженна личность, которая въ тѣ дни, ужъ

—"Все земное совершила"—

Мы теперь находимся въ эпохѣ.—Возставшій сынъ человѣческій возвратилъ себѣ свою независимость. онъ порвалъ всѣ связи; но приволья нѣтъ ему нигдѣ, онъ скиталецъ, сиръ и бѣденъ, и не знаетъ гдѣ приклонить главу свою. Повсюду вторится мотивъ: Ich bin ein Fremdling ueberall.—Вокругъ каждаго изъ насъ пустота, ничто; и не только индивидуализмъ (1), но и нигилизмъ (2) возводится въ теоріи, какъ реакція на бывшія доселѣ теоріи общенія между людьми.

(1) Max Stirner, Der Einzige und sein Eigenthum.

(2) Къ Нигилизму дошли съ двухъ весьма разныхъ точекъ отправленія античный философъ Артуръ Шопенгауеръ (котораго главное твореніе: Die Welt als Wille und Vorstellung) и критикъ Бруно Бауэръ.—Русскимъ можетъ-быть будетъ интересно узнать, что г. Бауэръ ихъ считаетъ орудіями предназначенными къ приведенію всего что ни есть къ нулю. Это изложено въ его книгѣ: Russland und das Germanenthum.

—Какъ попалъ человѣкъ въ нынѣшнее свое положеніе?

Ничуть не удивительно, если только вспомнишь, какъ онъ велъ себя доселѣ.—Встрѣчалъ-ли онъ, напр., женщину, которая ему нѣсколько нравилась; онъ плѣнялся ею, говорилъ, что она для него все, клялся Христомъ Богомъ и ей и самому себѣ, что никогда ничто кромѣ нея не будетъ ему важно,—когда самъ Богъ ему сказалъ не клясться ничѣмъ!... Встрѣчалъ-ли онъ человѣка расторопнаго, обѣщавшаго ему, показывая на свою мошну, избавить его отъ заботы пріискивать себѣ средства пропитанія—онъ ввѣрялся ему вполнѣ и говорилъ: "Мнѣ нужно только одно: быть освобожденнымъ отъ вѣчно преслѣдующаго меня страха не найдти себѣ пропитаніе; ты умѣешь находить источники приволья; пусть-же тебѣ будетъ забота, мнѣ работа"... Какая работа?—"*Ахъ, все равно!* Я буду дѣлать что ни прикажешь мнѣ".—Человѣка мучитъ опасеніе ненастій съ неба, нападеній со стороны чужихъ людей. Вотъ онъ встрѣчаетъ господина, которому разъ удалось предсказать вѣрно, что будетъ затмѣніе солнца, но что оно пройдетъ, и снова солнце будетъ свѣтить по-прежнему. Нашъ человѣкъ бросается къ тому господину и говоритъ: "Повелѣвай мною; я буду слушаться тебя покорно; только заклинай, заговоривай, задабривай, волшебникъ-попъ, страшныя мнѣ невѣдомыя силы".—Возлѣ жреца онъ встрѣтилъ другаго, который разъ велъ себя храбро и своимъ примѣромъ и ему внушилъ смѣлость противостоять нападенію пришельцевъ. Этого онъ провозглашаетъ своимъ вождемъ, герцогомъ, сюзереномъ, и проситъ всегда имъ командовать, обѣщаясь по его слову разить кого бы то ни было безпрекословно....

...И неужели все это не носитъ ясно на себѣ отпечатокъ юношества? недостатка опытности?(1)...

Взрослый человѣкъ не опрометчивъ, осмотрителенъ; онъ ни изъ чего не сотворитъ себѣ кумира. Онъ никому не ввѣрится, не дастъ собою управлять; онъ

(1) Не странно-ли, что Штирнеръ, проповѣдникъ эгоизма, и А. Комтъ, превозноситель любви къ ближнему подъ именемъ altruisme'а, сходятся въ утвержденіи, что человѣчество (въ западной Европѣ) теперь переходитъ изъ возраста юношескаго въ возмужалость?

 ОИК-55629

полагается на себя и какіе бы риски ни были отъ его самоуправленія, онъ беретъ ихъ на себя. Онъ не хоронитъ себя за-живо, какъ совѣтуютъ Нигилисты-Брамины; онъ не избѣгаетъ людей, но сходится съ ними лишь на "благородныя дистанціи". Онъ вступаетъ въ союзъ, но лишь на извѣстные опредѣленные случаи, которые онъ оговариваетъ, при его заключеніи; эти оговорки, условія, суть именно ключи къ союзу, которыми онъ по-волѣ замыкается и отмыкается; тогда какъ юношескія сочетанія закрыты наглухо и чтобъ быть растворены, должны быть взломаны. — Взрослый и не такъ робокъ, и не такъ самонадѣянъ, какъ юноша. Грозитъ-ли ему ненастье, онъ говоритъ:

Si totus illabitur orbis,
Impavidum ferient ruinæ.

За то, если онъ видитъ, что его разсчеты оказываются вѣрными въ извѣстныхъ случаяхъ, онъ не забываетъ, что можетъ представиться ему и неизвѣстное. Поэтому онъ не строитъ замкнутыхъ, тѣсныхъ системъ, изъ которыхъ *неизвѣстное напередъ исключено*, въ которыя оно войдти не можетъ. Въ его Пантеонѣ есть мѣсто и богу Неизвѣстному-Будущности. — Не отъ воли человѣка зависитъ постепенное расширеніе круга его вѣденія, исчерпнуть область неизвѣстнаго. Обращеніе вниманія, а потому и ходъ открытій, слѣдуетъ своему закону. Мы не можемъ по заказу открывать новое, но отъ насъ зависитъ стараться или не стараться помнить старое, уже пріобрѣтенное опытомъ. Памятываніе, предупреждая возвращеніе на разъ уже извѣданное, *сокращаетъ* путь человѣку, или, лучше сказать, Природѣ, въ лицѣ человѣка, къ полному самосознанію, которое ей нужно, чтобъ изъ хаоса устроиться въ гармонію.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

ОИК-55629